

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 6 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 7 февраля 2017 г.

О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 43 “О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности” и от 24 марта 2016 года № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”

В связи с изменением законодательства и в целях обеспечения единства практики применения судами положений Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности и об ответственности за нарушение обязательств Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет внести изменения в следующие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

1. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 43 “О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности”:

1) в пункте 11:

а) после слов “рассмотрении дела по существу” дополнить словами “, а также в судебных прениях”;

б) после слов “в суде первой инстанции,” слова “а также” исключить;

2) пункт 27 изложить в следующей редакции:

“Положения ГК РФ о сроках исковой давности и правилах их исчисления в редакции Федерального закона от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ “О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” (да-

лее — Закон № 100-ФЗ) применяются к требованиям, возникшим после вступления в силу указанного закона, а также к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года (пункт 9 статьи 3 Закона № 100-ФЗ).

Десятилетние сроки, предусмотренные пунктом 1 статьи 181, пунктом 2 статьи 196 и пунктом 2 статьи 200 ГК РФ (в редакции Закона № 100-ФЗ), начинают течь не ранее 1 сентября 2013 года и применяться не ранее 1 сентября 2023 года (пункт 9 статьи 3 Закона № 100-ФЗ в редакции Федерального закона от 28 декабря 2016 года № 499-ФЗ “О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”).

2. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”:

1) пункт 39 изложить в следующей редакции:

“Согласно пункту 1 статьи 395 ГК РФ в редакции, действовавшей до 1 августа 2016 года, размер процентов за пользование чужими денежными средствами, начисляемых за периоды просрочки исполнения денежного обязательства, имевшие место с 1 июня 2015 года по 31 июля 2016 года включительно, если иной размер про-

центов не был установлен законом или договором, определяется в соответствии с существовавшими в месте жительства кредитора — физического лица или в месте нахождения кредитора — юридического лица опубликованными Банком России и имевшими место в соответствующие периоды средними ставками банковского процента по вкладам физических лиц.

Если иной размер процентов не установлен законом или договором, размер процентов за пользование чужими денежными средствами, начисляемых за периоды просрочки, имевшие место после 31 июля 2016 года, определяется на основании ключевой ставки Банка России, действовавшей в соответствующие периоды (пункт 1 статьи 395 ГК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 года № 315-ФЗ “О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации”).

Источниками информации о средних ставках банковского процента по вкладам физических лиц, а также о ключевой ставке Банка России являются официальный сайт Банка России в сети “Интернет” и официальное издание Банка России “Вестник Банка России”.

В случаях, когда денежное обязательство подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных денежных единицах, а равно когда в соответствии с законодательством о валютном регулировании и валютном контроле при осуществлении расчетов по обязательствам допускается использование иностранной валюты и денежное обязательство выражено в ней (пункты 2, 3 статьи 317 ГК РФ), расчет процентов, начисляемых за периоды просрочки, имевшие место с 1 июня 2015 года по 31 июля 2016 года включительно, производится на основании опубликованных на

официальном сайте Банка России или в “Вестнике Банка России” ставок банковского процента по краткосрочным вкладам физических лиц в соответствующей валюте.

Если средняя ставка в рублях или иностранной валюте за определенный период не опубликована, размер подлежащих взысканию процентов устанавливается исходя из самой поздней из опубликованных ставок по каждому из периодов просрочки.

Когда отсутствуют и такие публикации, сумма подлежащих взысканию процентов рассчитывается на основании справки одного из ведущих банков в месте нахождения кредитора, подтверждающей применяемую им среднюю ставку по краткосрочным вкладам физических лиц.”;

2) в абзаце первом пункта 40 после слов “статьей 395 ГК РФ” дополнить словами “и начисляемых за периоды просрочки, имевшие место с 1 июня 2015 года по 31 июля 2016 года включительно”;

3) второе предложение абзаца второго пункта 48 изложить в следующей редакции:

“Размер процентов, начисленных за периоды просрочки, имевшие место с 1 июня 2015 года по 31 июля 2016 года включительно, определяется по средним ставкам банковского процента по вкладам физических лиц, а за периоды, имевшие место после 31 июля 2016 года, — исходя из ключевой ставки Банка России, действовавшей в соответствующие периоды после вынесения решения.”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

**Иностранцы граждане приобретают право
на пенсионное обеспечение на территории
Российской Федерации с момента получения ими
в установленном порядке вида на жительство**

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 16 мая 2016 г. № 6-КГ16-6*

(Извлечение)

Ю. обратилась в суд с иском к военному комиссариату Рязанской области о признании права на получение пенсии по случаю потери кормильца и понуждении к ее выплате.

Судом установлено, что истец являлась гражданкой Республики Беларусь и получателем пенсии по случаю потери кормильца как вдова военнослужащего. В связи с переездом на постоянное место жительства на территорию Российской Федерации в 2012 году Ю. была снята с регистрационного учета по месту жительства в Республике Беларусь, с 1 декабря 2012 г. военным комиссариатом Гродненской области Республики Беларусь ей прекращена выплата пенсии по случаю потери кормильца.

Судом также установлено, что 12 июля 2013 г. УФМС России по Рязанской области истцу был выдан вид на жительство иностранного гражданина. С 1 июля 2013 г. военным комиссариатом Рязанской области Ю. была на-

значена и выплачивалась на момент рассмотрения спора пенсия по случаю потери кормильца на основании Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-І “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей”.

По мнению Ю., пенсия по случаю потери кормильца должна была быть назначена ей ответчиком с момента постановки на регистрационный учет на территории Российской Федерации, т.е. с 1 декабря 2012 г.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, искивые требования удовлетворены частично. На ответчика возложена обязанность начислить и выплатить истцу пенсию по случаю потери кормильца на основании Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-І с 1 января по 30 июня 2013 г. В удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Разрешая спор и частично удовлетворяя искивые требования Ю., суд первой инстанции со ссылкой на Соглашение о порядке пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей и государственного страхования военнослужащих государств — участников Содружества Независимых Государств от 15 мая 1992 г., Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и письмо Минсоцзащиты России от 31 января 1994 г. № 1-369-18 “О пенсионном обеспечении граждан, прибывших в Российскую Федерацию из государств, ранее входивших в состав СССР” пришел к выводу о наличии оснований для признания за истцом права на назначение пенсии по случаю потери кормильца не с даты получения ею вида на жительство на территории Российской Федерации, а ранее — за 6 месяцев до этой даты.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев 16 мая 2016 г. кассационную жалобу центра социального обеспечения военного комиссариата Рязанской области, с указанным выводом не согласилась по следующим основаниям.

В силу ст. 4 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-І пенсионное обеспечение проживающих на территории Российской Федерации лиц, проходивших военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или военную службу по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин в вооруженных силах (армиях, войсках), органах безопасности и иных созданных в соответствии с законодательством воинских формированиях либо службу в органах внутренних дел, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы других государств — участников СНГ и государств, не являющихся участниками

СНГ, с которыми Российской Федерацией либо бывшим Союзом ССР заключены договоры (соглашения) о социальном обеспечении, а также семей указанных лиц осуществляется в порядке, предусмотренном этими договорами (соглашениями).

Согласно ст. 2 Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ в области пенсионного законодательства от 13 марта 1992 г. пенсионное обеспечение военнослужащих Вооруженных Сил государств — участников Содружества и порядок выделения средств на их пенсионное обеспечение регулируются специальными соглашениями.

Статьей 1 Соглашения о порядке пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей и государственного страхования военнослужащих государств — участников Содружества Независимых Государств от 15 мая 1992 г. предусмотрено, что пенсионное обеспечение и обязательное государственное страхование военнослужащих Вооруженных Сил государств — участников Содружества и других воинских формирований, созданных законодательными органами этих государств, Объединенных Вооруженных Сил Содружества, Вооруженных Сил и иных воинских формирований бывшего Союза ССР, а также пенсионное обеспечение семей этих военнослужащих осуществляются на условиях, по нормам и в порядке, которые установлены или будут установлены законодательством государств-участников, на территории которых проживают указанные военнослужащие и их семьи; а до принятия этими государствами законодательных актов по данным вопросам — на условиях, по нормам и в порядке, установленным законодательством бывшего Союза ССР. При этом уровень пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей, устанавливаемый законодательством государств-участников в соответствии с Соглашением о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей от 14 февраля 1992 г., не может быть ниже уровня, установленного ранее законодательными и другими нормативными актами бывшего Союза ССР.

Согласно абз. 3 п. 1 ст. 3 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ “О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации” право на пенсию в соответствии с данным Федеральным законом имеют иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории Российской Федерации, — на тех же основаниях, что и граждане Российской Федерации, если иное не предусмотрено этим Федеральным законом или международными договорами Российской Федерации.

В соответствии с п. 1 ст. 23 названного Федерального закона пенсия, предусмотренная данным Федеральным законом, независимо от ее вида назначается с 1-го числа месяца, в котором гражданин обратился за ней, но не ранее чем со дня возникновения права на нее.

Таким образом, для возникновения у иностранных граждан права на пенсионное обеспечение на основании законодательства Российской Федерации необходимым условием является факт постоянного проживания данного лица на ее территории.

Согласно абз. 7 п. 1 ст. 2 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” документом, выданным иностранному гражданину или лицу без гражданства в подтверждение их права на постоянное проживание в Российской Федерации, а также их права на свободный выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию, является вид на жительство.

Из содержания приведенных нормативных положений следует, что обязательным условием для установления факта постоянного проживания на территории Российской Федерации и приобретения права на пенсионное обеспечение на ее территории иностранным гражданином является получение им в установленном порядке вида на жительство.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала незаконным вывод судов первой и апелляционной инстанций об обязанности ответчика начислить и выплатить истцу пенсию по случаю потери кормильца за 6 месяцев до месяца получения Ю. вида на жительство на территории Российской Федерации, поскольку признание за иностранным гражданином права на пенсионное обеспечение при отсутствии у него документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории Российской Федерации (вида на жительство), противоречит положениям приведенного выше законодательства.

В связи с изложенным Судебная коллегия приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований в полном объеме, отменив судебные постановления нижестоящих судов как принятые с нарушениями норм материального права, без устранения которых была невозможна защита нарушенных прав и законных интересов заявителя.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

В случае, когда право собственности на многолетние насаждения было зарегистрировано за лицом после вступления в силу Федерального закона “О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации”, оно не может приобрести право собственности на земельные участки, занятые этими насаждениями, по правилам ст. 36 ЗК РФ

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 2 июня 2016 г. № 306-ЭС15-20155*

(Извлечение)

Предприниматель (покупатель) и учреждение (продавец) заключили договор купли-продажи

зеленых неплодоносящих насаждений (далее — многолетние насаждения) от 8 декабря 2006 г.

В 2007 году предприниматель обратился в суд с иском к учреждению о признании права собственности на многолетние насаждения как объекты недвижимости. Решением суда требования предпринимателя удовлетворены, поскольку ответчик иск признал. Суд также обязал регистрирующий орган зарегистрировать за предпринимателем право собственности на многолетние насаждения как объект недвижимости.

На основании указанного решения регистратор зарегистрировал в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее — ЕГРП) право собственности предпринимателя на многолетние насаждения — соновые деревья в количестве 1733 штук и площадью 4,45 га.

Территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом (далее — территориальное управление Росимущества, арендодатель) заключило с предпринимателем (арендатором) договор аренды земельного участка, находящегося в собственности Российской Федерации, на котором расположены многолетние насаждения, на срок с 2007 по 2056 год.

В дальнейшем территориальное управление Росимущества (продавец) и предприниматель (покупатель) заключили договор купли-продажи указанного земельного участка. Участок передан покупателю, и за ним было зарегистрировано право собственности.

Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (далее — Росимущество) обратилось с иском в суд к территориальному управлению Росимущества и предпринимателю о признании недействительным заключенного ответчиками договора купли-продажи, применении последствий недействительности сделки и признании права собственности предпринимателя на земельный участок отсутствующим.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано.

Суды исходили из того, что до вступления в силу Федерального закона от 4 декабря 2006 г. № 201-ФЗ “О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации” многолетние насаждения в соответствии со ст. 130 ГК РФ были отнесены к объектам недвижимости.

Право собственности предпринимателя на многолетние насаждения, возникшее на основании договора купли-продажи от 8 декабря 2006 г., регистратор зарегистрировал по решению суда в соответствии с правилами п. 1 ст. 28 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”. Поскольку право собственности предпринимателя на многолетние насаждения зарегистрировано на основании решения суда, которым установлен факт возникновения отношений по приобретению предприни-

мателем многолетних насаждений до вступления в силу Федерального закона “О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации”, у арбитражного суда не имеется оснований для признания этого права отсутствующим.

С учетом того, что принадлежащие предпринимателю многолетние насаждения находятся в гражданском обороте в качестве самостоятельного объекта недвижимости, он был вправе требовать предоставления в собственность в порядке ст. 36 ЗК РФ земельного участка под таким объектом в силу п. 20 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” в редакции Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 435-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования оборота земель сельскохозяйственного назначения”, поскольку законодатель признал многолетние насаждения в качестве объектов недвижимости и после вступления в силу Федерального закона “О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации” при наличии соответствующей государственной регистрации права.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 2 июня 2016 г. отменила названные судебные акты, признала отсутствующим право собственности предпринимателя на многолетние насаждения, недействительным договор купли-продажи земельного участка и направила дело на новое рассмотрение в части применения последствий недействительности этой сделки по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним — это юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на недвижимое имущество в соответствии с Гражданским кодексом РФ.

В силу ст. 131 ГК РФ государственной регистрации подлежат права на недвижимое имущество.

В соответствии с п. 1 ст. 130 ГК РФ в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона “О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации”, к недвижимым вещам относились леса и многолетние насаждения.

Статьями 16 и 22 Федерального закона от 4 декабря 2006 г. № 201-ФЗ в п. 1 ст. 130 ГК РФ и абз. 3 ст. 1 Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” внесены изменения об исключении лесов и многолетних насаждений из перечня недвижимого имущества, права на которые подлежат государственной регистрации.

Пунктом 1 ст. 40 Федерального закона от 4 декабря 2006 г. № 201-ФЗ предусмотрено, что данный Закон, в том числе ст.ст. 16 и 22, вступает в силу со дня его официального опубликования. Закон опубликован в “Российской газете” от 8 декабря 2006 г. № 277.

Ни Росимущество, ни территориальное управление Росимущества не были привлечены к участию в деле о признании права собственности на многолетние насаждения за предпринимателем, иск был удовлетворен ввиду признания его ответчиком (учреждением), поэтому выводы суда по данному делу не имеют преюдициального значения для настоящего дела.

В п. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав” разъяснено, что в случаях, когда запись в ЕГРП нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения (право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами, право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество, ипотека или иное обременение прекратилось), оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими.

Право собственности Российской Федерации на земельный участок, на котором расположены многолетние насаждения, зарегистрировано 29 ноября 2007 г. как ранее возникшее право.

Поскольку право собственности предпринимателя на многолетние насаждения, расположенные на земельном участке, находящемся в федеральной собственности, зарегистрировано как на объект недвижимости после того, как на законодательном уровне данные объекты были исключены из перечня объектов недвижимости, права на которые подлежали государственной регистрации, у судов не было оснований для отказа в удовлетворении требования Росимущества о признании такого права отсутствующим.

Согласно п. 20 ст. 3 Федерального закона “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” в редакции Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 435-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования оборота земель сельскохозяйственного назначения” граждане и юридические лица, право собственности которых на многолетние насаждения зарегистрировано в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ до дня вступления в силу Федерального закона от 4 декабря 2006 г. № 201-ФЗ, приобретают земельные участки, которые находятся в государственной или муниципальной собственности и на которых находятся указанные многолетние насаждения, без торгов в собственность или в аренду по выбору указанных граждан и юридических лиц в соответствии с правилами, установленными ст. 36 ЗК РФ.

Приведенной нормой предусмотрено право на приватизацию земельных участков, занятых многолетними насаждениями, исключительно лицами, за которыми зарегистрировано право

собственности на многолетние насаждения до 8 декабря 2006 г., т.е. в период, когда в соответствии с законодательством такие объекты признавались недвижимостью. Законодательством не предусмотрена ни возможность регистрации права собственности на многолетние насаждения после вступления в силу Федерального закона от 4 декабря 2006 г. № 201-ФЗ, ни право на выкуп земельных участков, занятых насаждениями, право собственности на которые было зарегистрировано после вступления в силу этого Закона.

Поскольку право собственности предпринимателя на многолетние насаждения зарегистрировано 6 марта 2007 г., т.е. после вступления в силу Федерального закона “О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации”, и у него отсутствовало исключительное право на выкуп находящегося в федеральной собственности земельного участка, занятого насаждениями, договор купли-продажи земельного участка площадью 44 561 кв.м в силу п. 2 ст. 168 ГК РФ является ничтожной сделкой, совершенной с нарушением требований п. 20 ст. 3 Федерального закона “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” и ст. 36 ЗК РФ (в редакции, действовавшей до 1 марта 2015 г.), посягающей на публичные интересы, касающиеся использования земельного участка, находящегося в публичной собственности.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Подпункт “а” п. 15 Правил осуществления выплат в целях возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей, сотрудникам и работникам федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы или членам их семей, утвержденных приказом МЧС России от 23 апреля 2013 г. № 280, в части, ограничивающей право членов семьи сотрудника и лиц, находившихся на его иждивении, на выплату в равных долях единовременного пособия, предусмотренного ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ “О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, в случае гибели (смерти) сотрудника, находящегося на отдыхе или в отпуске, вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы, признан недействующим со дня вступления решения суда в законную силу

*Решение Верховного Суда РФ
от 4 февраля 2016 г. № АКПИ15-1417,
вступившее в законную силу*

(Извлечение)

Приказом МЧС России от 23 апреля 2013 г. № 280 утверждены Правила осуществления выплат в целях возмещения вреда, причиненного в

связи с выполнением служебных обязанностей, сотрудникам и работникам федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы или членам их семей (далее — Правила).

Пунктом 15 Правил предусмотрены случаи, при которых постоянно действующая комиссия по социальным выплатам, созданная в центральном аппарате МЧС России, территориальных органах, учреждениях и организациях МЧС России для рассмотрения вопроса осуществления выплат (далее — комиссия), принимает решение об отказе в производстве соответствующей выплаты.

Согласно подп. “а” данного пункта комиссия принимает решение об отказе в производстве соответствующей выплаты, если служебной проверкой либо органами дознания, предварительного следствия или судом установлено, что гибель (смерть), увечье или иное повреждение здоровья (заболевание) сотрудника и работника, гражданина Российской Федерации наступили в период нахождения на отдыхе или в отпуске, за исключением случаев, предусмотренных подп. “д” — “л” п. 1 Правил.

К. обратилась в Верховный Суд РФ с административным иском с заявлением о признании недействующим указанного нормативного подписания в части, ограничивающей право членов семьи сотрудника и лиц, находившихся на его иждивении, на выплату единовременного пособия, предусмотренного ст. 12 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ “О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, в случае гибели (смерти) сотрудника, находящегося на отдыхе или в отпуске, вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы (далее — федеральная противопожарная служба), как противоречащего приведенной норме Закона, нарушающего ее право на получение единовременного пособия.

В обоснование своего требования административный истец указала, что ее муж В. проходил службу в федеральной противопожарной службе и имел специальное звание полковника внутренней службы. 7 января 2014 г. он скоропостижно скончался. Однако в выплате единовременного пособия его семье отказано по причине того, что смерть В. наступила не в связи с исполнением служебных обязанностей.

Верховный Суд РФ 4 февраля 2016 г. административное исковое заявление удовлетворил, установив, в частности, следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ “О пожарной безопасности” сотрудники, военнослужащие и работники федеральной противопожарной службы и члены их семей находятся под защитой государства. Гарантии социальной защиты сотрудников федеральной противопожарной службы (денежное довольствие, страхо-

вые гарантии и выплаты в целях возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей, право на жилищное обеспечение, право на медицинское обслуживание, гарантии в связи с прохождением службы в федеральной противопожарной службе и иные гарантии) устанавливаются данным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Отношения, связанные с денежным довольствием сотрудников, имеющих специальные звания и проходящих службу в федеральной противопожарной службе, обеспечением жилыми помещениями, медицинским обеспечением сотрудников, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в федеральной противопожарной службе, членов их семей и лиц, находящихся (находившихся) на их иждивении, а также с предоставлением им иных социальных гарантий, регулирует Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ.

В силу п. 1 ч. 2 ст. 12 Федерального закона 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ членам семьи сотрудника и лицам, находившимся на его иждивении, выплачивается единовременное пособие в размере трех миллионов рублей в равных долях в случае гибели (смерти) сотрудника вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в федеральной противопожарной службе.

По смыслу данной нормы основанием для выплаты единовременного пособия является гибель (смерть) сотрудника вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, или гибель (смерть) сотрудника вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы.

Пункт 3 Правил содержит аналогичные положения.

Между тем подп. “а” п. 15 Правил установлены основания для отказа в производстве соответствующей выплаты в случае гибели (смерти), увечья или иного повреждения здоровья (заболевания) сотрудника, наступивших в период нахождения на отдыхе или в отпуске.

Положение данной нормы, допускающее отказывать в выплате единовременного пособия в случае гибели (смерти) сотрудника вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в федеральной противопожарной службе, но наступившей в период нахождения на отдыхе или в отпуске, противоречит п. 1 ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ. Необходимым условием для производства соответствующей выплаты является наличие причинной связи заболевания, полученного в период прохождения службы, с гибелью (смертью) сотрудника, наступившей независимо от того, находился ли сотрудник на отдыхе, в отпуске или на службе.

2. Абзац 3 п. 7.12 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г.

№ 36, в части, предусматривающей изготовление копии протокола судебного заседания за счет участника судебного разбирательства, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 8 апреля 2016 г. № АКПИ16-131, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 7 июля 2016 г. № АПЛ16-222

3. Пункт 4.1 национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 56184-2014 “Услуги средств размещения. Общие требования к хостелам”, утвержденного приказом Росстандарта от 23 октября 2014 г. № 1393-ст,

в части, допускающей размещать хостел в квартире или нескольких квартирах одного здания и иметь общий подъезд с соседями (собственниками или нанимателями других квартир, расположенных в том же подъезде), признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 3 марта 2016 г. № АКПИ15-1535, вступившее в законную силу

4. Пункт 105 перечня документов, необходимых для установления страховой пенсии, установления и перерасчета размера фиксированной выплаты к страховой пенсии с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии, назначения накопительной пенсии, установления пенсии по государственному пенсионному обеспечению, утвержденного

приказом Минтруда России от 28 ноября 2014 г. № 958н, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № АКПИ15-1481, вступившее в законную силу

5. Постановление Совета Министров РСФСР от 2 сентября 1977 г. № 465

“Об утверждении зоны санитарной охраны водопроводных сооружений и источника водоснабжения г. Челябинска” признано не противоречащим федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 13 апреля 2016 г. № АКПИ16-105, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21 июля 2016 г. № АПЛ16-233

6. Абзац 1 п. 37 Правил проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений, утвержденных постановлением Правительства РФ от 24 октября 2014 г. № 1097, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 6 апреля 2016 г. № АКПИ16-140, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 7 июля 2016 г. № АПЛ16-216
7. Письмо Минэкономразвития России № 31047-ЕЕ/Д28и, ФАС России АЦ/50997/14 от 11 декабря 2014 г. “О позиции Минэкономразвития России и ФАС России по вопросу применения норм Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” в отношении установления порядка рассмотрения и оценки заявок, окончательных предложений участников закупки по нестоимостным критериям” признано не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 11 апреля 2016 г. № АКПИ16-53, вступившее в законную силу
8. Пункт 3 приказа Следственного комитета РФ от 17 октября 2014 г. № 89 “Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации” в части, предусматривающей, что руководители следственных управлений Главного следственного управления Следственного комитета (первого, второго, третьего, четвертого, пятого, шестого, седьмого) осуществляют процессуальные полномочия руководителей следственных органов по субъектам Российской Федерации, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2016 г. № АКПИ15-1466, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 июля 2016 г. № АПЛ16-234
9. Приложения 1, 2 к приказу Минприроды России от 29 октября 2015 г. № 451 “О внесении изменений в Положение о Сочинском национальном парке, утвержденное приказом Минприроды России от 27 сентября 2013 г. № 411” признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № АКПИ16-2, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 7 июля 2016 г. № АПЛ16-223
10. Пункт 2 постановления Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 1020 “Об окладах денежного содержания сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти, применяемых при пересмотре (назначении) пенсий”, подразделы 3, 4 раздела I приложения № 1 к данному Постановлению признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 23 марта 2016 г. № АКПИ16-25, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 июля 2016 г. № АПЛ16-208
11. Пункт 2 постановления Правительства РФ от 8 октября 2015 г. № 1074 “Об утверждении перечня населенных пунктов, находящихся в границах зон радиоактивного загрязнения вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 30 марта 2016 г. № АКПИ16-59, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28 июня 2016 г. № АПЛ16-209
12. Пункты 2, 2.7 Указания Банка России от 4 марта 2014 г. № 3207-У “О перечне должностных лиц Банка России, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях” в части, наделяющей руководителя Службы по защите прав потребителей финансовых услуг и миноритарных акционеров, его заместителей, начальников управлений, их заместителей, начальников отделов, их заместителей, заведующих секторами и консультантов полномочиями составлять протоколы об административном правонарушении, предусмотренном ч. 11 ст. 15.23.1 КоАП РФ, в отношении участников корпоративных отношений, обществ с ограниченной ответственностью, их должностных лиц, иных юридических лиц, которые по характеру своей экономической деятельности не признаются некредитными финансовыми организациями, не являются эмитентами ценных бумаг, признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 7 апреля 2016 г. № АКПИ16-185, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 9 августа 2016 г. № АПЛ16-264
13. Абзацы 6 и 15 п. 2 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 6 апреля 2016 г. № АКПИ16-106, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21 июля 2016 г. № АПЛ16-240

Сообщение лица о совершенном им преступлении является добровольным и признается явкой с повинной, если такое заявление сделано до его задержания в качестве подозреваемого и органы предварительного расследования не располагали сведениями о преступлении

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 13 октября 2015 г. № 50-АПУ15-22*

(Извлечение)

По приговору Омского областного суда от 30 июля 2015 г. Ч. осужден по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ к четырнадцати годам лишения свободы, п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ — к девяти годам лишения свободы. В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено семнадцать лет лишения свободы.

Ч. признан виновным в разбое, совершенном с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия, в крупном размере, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, и в его убийстве, сопряженном с разбоем.

В апелляционной жалобе адвокат в интересах осужденного просил приговор изменить, полагая, что Ч. назначено чрезмерно суровое наказание. Кроме того, по его мнению, суд необоснованно не признал в качестве смягчающего наказания обстоятельства явку Ч. с повинной.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 13 октября 2015 г. апелляционную жалобу удовлетворила, указав следующее.

При назначении осужденному наказания суд учел характер совершенных преступлений, относящихся к категории особо тяжких, степень их общественной опасности, данные о личности Ч., который признал вину, характеризовался положительно, не имеет судимости, его несовершеннолетний возраст, влияние назначенного наказания на исправление, отсутствие отягчающих обстоятельств.

Обстоятельством, смягчающим наказание, суд признал в соответствии с п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ активное способствование раскрытию и расследованию преступлений.

Заявление о явке с повинной суд не признал смягчающим наказание обстоятельством, мотивируя тем, что Ч. добровольно в правоохранительные органы не являлся, а был вызван и задержан сотрудниками полиции по подозрению в совершении данного преступления. Подсудимый лишь подтвердил выдвинутые против него подозрения под тяжестью улик, заведомо понимая, что он разоблачен. Из протокола задержания Ч. также следует, что основанием для этого явилось не заявление о явке с повинной, а обнаружение следов преступления.

Между тем эти обстоятельства доказательствами не подтверждаются.

Органы предварительного расследования в обвинительном заключении указали на заявление о явке с повинной как на обстоятельство, смягчающее наказание.

В судебном заседании Ч. показал, что по телефону был вызван в полицию без объяснения причин. В отделе полиции он написал заявление о явке с повинной и рассказал об обстоятельствах совершения преступлений.

Из материалов уголовного дела следует, что протокол явки с повинной составлен 26 декабря 2014 г. в 17 час. в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона и отвечает требованиям ст.ст. 142 и 166 УПК РФ. В заявлении о явке с повинной Ч. указал об убийстве Ж. и хищении его автомобиля.

Данных о том, что до сообщения Ч. в заявлении о явке с повинной о совершенных преступлениях органы следствия располагали сведениями об убийстве потерпевшего и похищении его автомобиля, не имеется.

Согласно постановлению уголовное дело возбуждено следователем в 18 час. 10 мин. 26 декабря 2014 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, в связи с рапортом следователя по факту исчезновения Ж.

При таких данных сообщение Ч. о совершенных им преступлениях являлось добровольным и поэтому его следует признать явкой с повинной и учесть в качестве обстоятельства, смягчающего наказание.

С учетом изложенного Судебная коллегия приговор изменила, признала обстоятельством, смягчающим наказание, явку Ч. с повинной и снизила сроки назначенного ему наказания за совершение преступлений, предусмотренных: п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ — до восьми лет шести месяцев, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ — до тринадцати лет шести месяцев. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных п. “в” ч. 4 ст. 162, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, путем частичного сложения наказаний окончательно назначила шестнадцать лет лишения свободы.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Поскольку истец обратился с иском о взыскании задолженности в денежном довольствии в период прохождения им военной службы после восстановления на ней, заявленные требования подлежат рассмотрению по существу

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 24 мая 2016 г. № 201-КГ16-9*

(Извлечение)

Определением Московского гарнизонного военного суда от 22 июля 2015 г., оставленным

без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 17 сентября 2015 г., прекращено производство на основании абз. 2 ст. 220 ГПК РФ по исковому заявлению А., в котором он просил взыскать с МВД России либо с МЧС России задолженность в денежном содержании за период с 1 декабря 2014 г. по последний месяц, предшествующий дате принятия судом решения по делу, включительно.

В кассационной жалобе А., указывая на наличие предусмотренных законом оснований для рассмотрения иска по существу в порядке гражданского судопроизводства и правомерность его требований по выплате денежного довольствия после восстановления на военной службе на основании решения Московского гарнизонного военного суда от 16 января 2002 г., просил судебные постановления отменить, принять по делу новое решение — об удовлетворении заявленных требований.

Определением заместителя Председателя Верховного Суда РФ — председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих от 22 апреля 2016 г. кассационная жалоба заявителя с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 24 мая 2016 г. сочла, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм процессуального права.

Согласно абз. 2 ст. 220 ГПК РФ суд прекращает производство по делу в случае, если дело не подлежит рассмотрению и разрешению в суде в порядке гражданского судопроизводства по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ (заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке).

Из материалов дела следует, что приказом МВД России от 12 октября 2001 г. А., проходивший военную службу в должности заместителя начальника отряда — заместителя командира батальона по работе с кадрами регионального специализированного отряда (батальона) по тушению крупных пожаров Управления Государственной противопожарной службы Северного административного округа г. Москвы Управления Государственной противопожарной службы ГУВД г. Москвы МВД России (далее — Управление), уволен в запас по достижении предельного возраста пребывания на военной службе и приказом начальника Управления от 9 ноября 2001 г. исключен из списков личного состава воинской части.

Вступившим в законную силу решением Московского гарнизонного военного суда от 16 января 2002 г. названные приказы признаны незакон-

ными, на Министра внутренних дел РФ и начальника Управления возложена обязанность в пределах своей компетенции их отменить и восстановить А. в прежней (а с его согласия — равной или не ниже) должности, обеспечив всеми видами довольствия, недополученного после необоснованного увольнения.

Приказом МВД России от 26 июня 2012 г. пункт приказа МВД России от 12 октября 2001 г. в части, касающейся увольнения с военной службы А., отменен.

28 января 2015 г. А. обратился в суд с иском о взыскании задолженности в денежном довольствии с 1 декабря 2014 г.

Прекращая производство по делу, гарнизонный военный суд пришел к выводу, что заявленные А. требования в силу ст. 220 ГПК РФ рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства не подлежат, а относятся к исполнительному производству по решению суда от 16 января 2002 г., поскольку фактически он ставит вопрос об обеспечении денежным довольствием, недополученным после необоснованного увольнения.

Однако такой вывод противоречит установленным в судебном заседании обстоятельствам дела, согласно которым А. на основании приказа МВД России от 26 июня 2012 г. восстановлен на военной службе путем отмены приказа МВД России от 12 октября 2001 г. в части, касающейся его увольнения с военной службы, а также предписаниям п. 22 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, о том, что восстановление на военной службе гражданина в соответствии с решением суда производится путем отмены приказа об увольнении военнослужащего с военной службы.

Поскольку истец обратился с иском о взыскании задолженности в денежном довольствии с 1 декабря 2014 г., т.е. в период прохождения им военной службы после восстановления на ней, заявленные требования подлежат рассмотрению по существу.

Что касается вопросов исполнительного производства по решению суда от 16 января 2002 г., которые не подлежат рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, то они относятся к выплатам задолженности в денежном довольствии за время вынужденного прогула А. — с момента его незаконного увольнения с военной службы по дате восстановления на ней, т.е. по 26 июня 2012 г.

Таким образом, вывод суда о необходимости прекращения производства по делу на законе не основан, в связи с чем Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ отменила в указанной части обжалуемые судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции для его рассмотрения по существу.

2. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 21 июля 2016 г. № 201-АПУ16-21

(Извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 6 апреля 2016 г. Х. осужден за вовлечение трех лиц в совершение преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, т.е. за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205¹ УК РФ. По совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено Х. наказание в виде лишения свободы на срок девять лет шесть месяцев в исправительной колонии общего режима.

Ф. осужден по ч. 2 ст. 208 УК РФ (в ред. Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) к лишению свободы на срок семь лет в исправительной колонии общего режима с ограничением свободы на срок один год, которое заключается в ограничениях, указанных в приговоре.

Рассмотрев 21 июля 2016 г. дело по апелляционным жалобам осужденных и их защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ приговор изменила, указав в обоснование следующее.

В соответствии с ч. 2 ст. 252 УПК РФ изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Х. предъявлено обвинение по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 208 УК РФ (в ред. Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ), предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

Вместе с тем суд переквалифицировал эти действия Х. на ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, санкция которой предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

Таким образом, в нарушение указанной нормы уголовно-процессуального закона суд ухудшил положение Х., что недопустимо.

В связи с изложенным действия Х., связанные с С., подлежат переквалификации с ч. 1 ст. 205¹ УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 208 УК РФ (в ред. Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ), а наказание — смягчению как за данное преступление, так и по совокупности преступлений.

Кроме того, Судебная коллегия изменила приговор в отношении Ж. в части срока наказания, назначенного осужденному.

Признав Ж. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК

РФ (в ред. Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ), по которой Ж. предъявлено обвинение, суд назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок семь лет в исправительной колонии общего режима с ограничением свободы на срок один год, хотя санкция ч. 2 ст. 208 УК РФ в данной редакции предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

Допущенное судом нарушение норм материального закона повлекло снижение срока наказания, назначенного Ж.

3. Согласно ч. 2 ст. 88 УК РФ штраф несовершеннолетнему назначается в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 21 июля 2016 г. № 201-АПУ16-20

(Извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 18 мая 2016 г. Т. осужден к штрафу по ч. 1 ст. 205² УК РФ в размере двухсот тысяч рублей и по ч. 1 ст. 282 УК РФ в размере ста тысяч рублей. В соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ окончательное наказание Т. по совокупности совершенных преступлений определено путем поглощения менее строгого наказания более строгим в виде штрафа в размере двухсот тысяч рублей.

Рассмотрев 21 июля 2016 г. дело по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ приговор изменила, указав в обоснование следующее.

Окружным военным судом при определении размера назначаемого несовершеннолетнему Т. штрафа допущена ошибка и не учтены положения, предусмотренные ч. 2 ст. 88 УК РФ, в соответствии с которыми штраф несовершеннолетнему назначается в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев.

Исходя из положений указанного закона максимально возможный размер штрафа, который может быть назначен несовершеннолетнему осужденному как за каждое преступление, так и по их совокупности, составляет пятьдесят тысяч рублей, однако вопреки этому суд назначил Т. наказание в виде штрафа в размере, превышающем указанный предел.

Учитывая изложенное, размер штрафа, назначенный Т. как за каждое преступление, так и по их совокупности, подлежит снижению.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ СУДОВ РЕСПУБЛИК, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СУДОВ

Оказание адвокатом юридической помощи лицу, чьи интересы противоречат интересам другого лица, которому адвокат также оказывал юридическую помощь в рамках выделенного дела, является обстоятельством, исключающим его участие в деле в качестве защитника

*Постановление президиума
Орловского областного суда
от 31 марта 2016 г.*

(Извлечение)

По приговору Малоархангельского районного суда Орловской области от 27 февраля 2015 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Р. осужден по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Р. признан виновным в незаконном хранении без цели сбыта наркотического средства в крупном размере.

В кассационном представлении прокурор просил приговор отменить и дело направить на новое судебное рассмотрение, указывая, что судом нарушено право осужденного на защиту, поскольку в судебном заседании в качестве защитника Р. участвовал адвокат Г., который одновременно осуществлял защиту К., дававшего изобличающие Р. показания в совершении инкриминируемого ему преступления.

Президиум Орловского областного суда 31 марта 2016 г. кассационное представление прокурора удовлетворил по следующим основаниям.

Как усматривается из материалов уголовного дела в отношении Р. и копии приговора в отношении К., защиту обоих лиц на предварительном расследовании осуществлял адвокат Г. На стадии предварительного следствия как Р. по настоящему уголовному делу, так и К. по выделенному уголовному делу вину по ч. 2 ст. 228 УК РФ полностью признали и ходатайствовали о постановлении приговора в особом порядке, установленном главой 40 УПК РФ. В ходе судебного разбирательства Р. отказался от особого порядка судебного разбирательства, вину не признал и заявил об оговоре его К.

Согласно приговору в отношении Р. наркотическое средство было изъято у К. Исходя из показаний, данных К. в качестве свидетеля, пакет с наркотическим средством привез Р.

Как усматривается из приговора Малоархангельского районного суда Орловской области от 10 февраля 2015 г., постановленного в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, К.

осужден за хранение наркотического средства, привезенного Р.

В судебном заседании Р. факт хранения им изъятого у К. наркотического средства не признал, а К., наоборот, подтверждал указанное обстоятельство, давая изобличающие Р. в совершении инкриминируемого ему преступления показания. Изложенное свидетельствует о том, что интересы Р. противоречили интересам ранее осужденного К.

В силу положений п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ защитник не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он оказывает или оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого или обвиняемого.

В соответствии с разъяснениями, данными в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 “О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве”, при наличии любого из обстоятельств, указанных в ст. 72 УПК РФ, участие защитника исключается во всех стадиях уголовного судопроизводства. Установленное в п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ ограничение относится к случаям, когда защитник в рамках данного или выделенного из него дела оказывает или ранее оказывал в ходе досудебного производства либо в предыдущих стадиях судебного производства и судебных заседаниях юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им обвиняемого.

Указанные обстоятельства, исключающие участие в судебном заседании адвоката Г. в качестве защитника Р., имелись в материалах уголовного дела и суду были известны, однако никаких процессуальных мер судом принято не было.

Таким образом, во время судебного разбирательства уголовного дела было нарушено право Р. на защиту.

Допущенное при постановлении приговора в отношении Р. нарушение уголовно-процессуального закона является существенным, повлиявшим на исход дела и вынесение законного приговора.

С учетом изложенного президиум Орловского областного суда отменил приговор и апелляционное определение в отношении Р., передал уголовное дело на новое судебное рассмотрение.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 2 (2016)¹

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Применение положений законодательства о банкротстве

Вопрос 1. Вправе ли уполномоченный орган обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании банкротом лица, не перечислившего в бюджет суммы налога на доходы физических лиц, которые были удержаны при выплате выходных пособий и (или) заработной платы?

Ответ. Пункт 1 ст. 7, п. 1 ст. 11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (в ред. Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 186-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”); далее — Закон о банкротстве) наделяет правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом самого должника, его конкурсных кредиторов, уполномоченный орган, а также работников (бывших работников) должника, имеющих непогашенные требования по выплате выходных пособий и (или) по оплате труда.

Поскольку уплата налога на доходы физических лиц согласно п. 9 ст. 226 НК РФ производится за счет средств, причитающихся гражданам, и при удержании сумм этого налога должник распоряжается, в частности, частью вознаграждения за труд, уполномоченный орган применительно к положениям п. 1 ст. 7 Закона о банкротстве вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании банкротом лица, не перечислившего в бюджет суммы налога, которые были удержаны им при выплате не освобожденных от налогообложения выходных пособий и (или) заработной платы.

Такие требования, возникшие до возбуждения дела о банкротстве, следуют судьбе требований работников (бывших работников): они включаются в реестр требований кредиторов и подлежат удовлетворению за счет конкурсной массы в рамках второй очереди осуществления расчетов с кредиторами на основании п. 6 ст. 16 и п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве. В силу п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве указанные требования не предоставляют права голоса на собрании кредиторов.

Обязательственное право

Вопрос 2. Является ли основанием для отказа в иске о взыскании суммы санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства ее неправильная правовая квалификация истцом, который обосновывает свое требование п. 1 ст. 395 ГК РФ, в то время как законом или соглашением сторон на этот случай предусмотрена неустойка?

Ответ. В силу п. 4 ст. 395 ГК РФ в случае, когда соглашением сторон предусмотрена неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства, предусмотренные данной статьей проценты не подлежат взысканию, если иное не предусмотрено законом или договором.

Согласно правовой позиции, содержащейся в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, если законом или соглашением сторон установлена неустойка за нарушение денежного обязательства, на которую распространяется правило абз. 1 п. 1 ст. 394

ГК РФ, то положения п. 1 ст. 395 ГК РФ не применяются. В этом случае взысканию подлежит неустойка, установленная законом или соглашением сторон, а не проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ (п. 4 ст. 395 ГК РФ).

В соответствии с правовой позицией, содержащейся в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, согласно ст. 148 ГПК РФ или ст. 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора. По смыслу ч. 1 ст. 196 ГПК РФ или ч. 1 ст. 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В связи с этим ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

Таким образом, если истец обосновывает требование о взыскании суммы санкции за просрочку в исполнении денежного обязательства ссылками на п. 1 ст. 395 ГК РФ, когда законом или договором предусмотрена неустойка (абз. 1 п. 1 ст. 394 ГК РФ), суд выносит на обсуждение сторон вопрос о необходимости применения к правоотношениям сторон п. 1 ст. 330 или п. 1 ст. 332 ГК РФ о неустойке.

В этом случае истец может соответственно увеличить или уменьшить размер исковых требований на основании условий договора или положений закона о неустойке, а ответчик — заявить о применении ст. 333 ГК РФ и представить соответствующие доказательства.

Если размер процентов, рассчитанных на основании ст. 395 ГК РФ, превышает размер неустойки, суд при установлении факта нарушения денежного обязательства удовлетворяет исковые требования частично в пределах размера суммы неустойки, подлежащей взысканию.

Само по себе то обстоятельство, что истец обосновывает свое требование о применении меры ответственности в виде взыскания денежной суммы за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства п. 1 ст. 395 ГК РФ, в то время как законом или соглашением сторон на случай этого нарушения предусмотрена соответствующая неустойка и денежные средства необходимо взыскать с ответчика в пользу истца на основании п. 1 ст. 330 или п. 1 ст. 332 ГК РФ, не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

Вопрос 3. Вправе ли ресурсоснабжающие организации использовать для определения объема и стоимости потребленных энергоресурсов на общедомовые нужды показания коллективных приборов учета, самостоятельно установленных ими в ветхих и аварийных объектах?

Ответ. Согласно п. 1 ст. 544 ГК РФ оплата энергии производится за фактически принятое абонентом количество энергии в соответствии с данными учета энергии, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или соглашением сторон.

В соответствии со ст. 13 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ “Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты

¹Окончание. Начало см. в № 3, 2017 г.

Российской Федерации” (далее — Закон об энергосбережении) производимые, передаваемые, потребляемые энергетические ресурсы подлежат обязательному учету с применением приборов учета. Собственники жилых домов, собственники помещений в многоквартирных домах, введенных в эксплуатацию на день вступления в силу данного Федерального закона, обязаны обеспечить оснащение домов приборами учета используемых энергоресурсов, а также ввод установленных приборов учета в эксплуатацию. В случае неисполнения ими данной обязанности согласно ч. 12 ст. 13 Закона об энергосбережении действия по оснащению домов приборами учета должны совершить ресурсоснабжающие организации, которым в последующем граждане возмещают расходы по установке приборов учета используемых энергоресурсов.

Вместе с тем в силу предложения 5 ч. 1 ст. 13 Закона об энергосбережении требования данной статьи в части организации учета используемых энергетических ресурсов не распространяются на ветхие, аварийные объекты, объекты, подлежащие сносу или капитальному ремонту до 1 января 2013 г., а также объекты, мощность потребления электрической энергии которых составляет менее чем пять киловатт (в отношении организации учета используемой электрической энергии) или максимальный объем потребления тепловой энергии которых составляет менее чем две десятых гигакалории в час (в отношении организации учета используемой тепловой энергии) либо максимальный объем потребления природного газа которых составляет менее чем два кубических метра в час (в отношении организации учета используемого природного газа).

В данной норме не содержится запрета на установку приборов учета в ветхих и аварийных объектах, а лишь указывается на отсутствие обязанности собственников по их установке и, соответственно, оплате стоимости приборов учета и расходов по их установке, если она проведена иным лицом.

Такие объекты могут быть оснащены ресурсоснабжающими организациями за счет собственных средств приборами учета, если подтверждена техническая возможность их установки в соответствии с критериями, предусмотренными приказом Минрегиона России от 29 декабря 2011 г. № 627 “Об утверждении критериев наличия (отсутствия) технической возможности установки индивидуального, общего (квартирного), коллективного (общедомового) прибора учета, а также формы акта обследования на предмет установления наличия (отсутствия) технической возможности установки таких приборов учета и порядка ее заполнения”. Ухудшение эксплуатационных характеристик здания, отдельных его частей и инженерных систем, послуживших основанием для признания такого объекта в установленном порядке аварийным, приводящее к невозможности обеспечения точной фиксации потребления энергоресурсов и обслуживания приборов учета, исключает использование показаний приборов учета в таких многоквартирных домах.

Показания законно установленных и введенных в эксплуатацию коллективных приборов учета могут быть использованы ресурсоснабжающими организациями для определения объема и стоимости потребленных энергоресурсов.

В соответствии с п. 44 постановления Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 “О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов” распределяемый между потребителями объем коммунальной услуги, предоставленной на общедомовые нужды за расчетный период, не может превышать объема коммунальной услуги, рассчитанного исходя из нормативов потребления коммунальной услуги, предоставленной на общедомовые нужды, за исключением

случаев, когда иное установлено решением общего собрания собственников или когда исполнителем коммунальной услуги является ресурсоснабжающая организация.

По общему правилу объем коммунальной услуги в размере превышения над объемом, рассчитанным исходя из нормативов потребления коммунальной услуги, предоставленной на общедомовые нужды, управляющая организация оплачивает за счет собственных средств.

Данный порядок регулирования направлен на стимулирование управляющей организации к выполнению мероприятий по эффективному управлению многоквартирным домом (выявлению несанкционированного подключения, внедоговорного потребления коммунальных услуг и др.) и достижение целей этого управления, обеспечивающих благоприятные и безопасные условия проживания граждан.

Вместе с тем, принимая во внимание, что в аварийных и ветхих объектах возможности обеспечения благоприятных условий проживания граждан могут быть существенно ограничены в связи с объективным физическим износом здания, его отдельных частей и инженерных систем, а также направленность нормативно-правового регулирования на защиту граждан, вынужденных проживать в непригодных для этих целей условиях, от несения дополнительных издержек, связанных с содержанием и ремонтом таких объектов, использование при расчетах за поставленный коммунальный ресурс показаний приборов учета в рассматриваемом случае не должно приводить к возложению на собственников домов и помещений в них или управляющие организации расходов, связанных с оплатой потребленных в соответствии с показаниями приборов учета коммунальных услуг в объеме, превышающем нормативы потребления.

Таким образом, ресурсоснабжающие организации вправе использовать показания коллективных приборов учета, установленных ими в ветхих и аварийных объектах с соблюдением требований законодательства, для определения объема и стоимости потребленных энергоресурсов на общедомовые нужды. Однако размер обязательств собственников и управляющей компании по оплате потребленных энергоресурсов на общедомовые нужды ограничен утвержденными нормативами потребления.

Вопрос 4. Каким образом с 1 июня 2013 г. исчисляется размер платы за поставленную тепловую энергию в многоквартирный дом, не оборудованный коллективным (общедомовым) прибором учета, но в котором все жилые и нежилые помещения имеют индивидуальные приборы учета тепловой энергии?

Ответ. В соответствии со ст. 157 ЖК РФ размер платы за коммунальные услуги рассчитывается исходя из объема потребляемых коммунальных услуг, определяемого по показаниям приборов учета, а при их отсутствии — исходя из нормативов потребления коммунальных услуг (в том числе нормативов накопления твердых коммунальных отходов), утверждаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном Правительством РФ.

С 1 июня 2013 г. согласно п. 40 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, норматив потребления коммунальной услуги по отоплению на общедомовые нужды не подлежит установлению, а потребители вносят плату за такую услугу совокупно без разделения на плату за потребление указанной услуги в жилом (нежилом) помещении и плату за ее потребление на общедомовые нужды.

В целях правильного определения объема ресурса, приходящегося на каждого потребителя, размер платы рассчитывается исходя из данных общедомовых приборов учета с пропорциональным отнесением приходящегося объема услуги по теплоснабжению в совокупной массе на единицу площади.

В соответствии с ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон об энергосбережении) производимые, передаваемые, потребляемые энергетические ресурсы подлежат обязательному учету с применением приборов учета. Собственники жилых домов, собственники помещений в многоквартирных домах, введенных в эксплуатацию на день вступления в силу данного Федерального закона, обязаны обеспечить оснащение домов приборами учета используемых энергоресурсов, а также ввод установленных приборов учета в эксплуатацию.

В случае неисполнения ими данной обязанности согласно ч. 12 ст. 13 Закона об энергосбережении действия по оснащению домов приборами учета должны совершить ресурсоснабжающие организации, которым в последующем граждане возмещают расходы по установке приборов учета используемых энергоресурсов.

При несовершении ресурсоснабжающими организациями указанных действий и отсутствии коллективных (общедомовых) приборов учета в многоквартирном доме, который полностью оборудован индивидуальными приборами учета, с 1 июня 2013 г. размер платы за поставленную тепловую энергию исчисляется исходя из показаний индивидуальных приборов учета. Выпадающий доход, вызванный отсутствием учета поставленной на общедомовые нужды тепловой энергии, ложится в таком случае на ресурсоснабжающую организацию, которая, вопреки положениям ч. 12 ст. 13 Закона об энергосбережении, не предприняла необходимых мер по оборудованию многоквартирного дома коллективным (общедомовым) прибором учета.

Вопрос 5. Какой срок исковой давности — общий или специальный — подлежит применению к требованию заказчика по договору планового ремонта вагонов к подрядчику о возмещении убытков, вызванных устранением дефектов вагонов, выявленных в процессе перевозки (текущий отцепочный ремонт)?

Ответ. Согласно п. 1 ст. 721 ГК РФ качество выполненной подрядчиком работы должно соответствовать условиям договора подряда, а при отсутствии или неполноте условий договора требованиям, обычно предъявляемым к работам соответствующего рода. Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, результат выполненной работы должен в момент передачи заказчику обладать свойствами, указанными в договоре или определенными обычно предъявляемыми требованиями, и в пределах разумного срока быть пригодным для установленного договором использования, а если такое использование договором не предусмотрено, для обычного использования результата работы такого рода.

Для требований заказчика, предъявляемых к подрядчику в связи с ненадлежащим качеством работы, выполненной по договору подряда, п. 1 ст. 725 ГК РФ установлен специальный срок исковой давности, который составляет один год.

В случаях, когда факт ненадлежащего выполнения работ по договору планового ремонта выявляется в процессе перевозки и дефект устраняется перевозчиком в целях обеспечения безопасности движения транспорта (текущий отцепочный ремонт), последний действует в том числе в интересах заказчика (владельца вагонов), обеспечивая выполнение им обязанности по

содержанию имущества и предотвращению возможного причинения вреда в результате неисправности вагонов. По этой причине заказчик (владелец вагонов) не может отказаться от работ по текущему отцепочному ремонту и должен нести расходы по их оплате.

Передавая заказчику вагоны, которые не могут быть использованы в процессе транспортировки грузов, подрядчик по договору планового ремонта нарушает предусмотренную п. 1 ст. 721 ГК РФ обязанность по передаче заказчику результата работ, пригодного для обычного использования.

Если подрядчик не устранил недостатки вагонов, которые он должен был выявить по договору планового ремонта, и в результате заказчик был вынужден оплатить текущий отцепочный ремонт, подрядчик нарушил обязанность по производству работ соответствующего качества.

Следовательно, к предъявленному в последующем требованию заказчика к подрядчику, выполнявшему плановый ремонт вагонов, о возмещении убытков, вызванных устранением дефектов вагонов, выявленных в процессе перевозки, применяется специальный срок исковой давности, установленный п. 1 ст. 725 ГК РФ (один год).

Применение положений законодательства об охране природы и природопользовании

Вопрос 6. Является ли использование акватории водного объекта в целях эксплуатации подводных переходов трубопроводов, расположенных ниже естественных отметок дна водного объекта (реки, ручья), в отсутствие надлежаще оформленного договора водопользования основанием для признания судом такого использования незаконным?

Ответ. Согласно п. 14 ст. 1 Водного кодекса Российской Федерации (далее — ВК РФ) под использованием водных объектов (водопользованием) понимается использование различными способами водных объектов для удовлетворения потребностей Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, физических лиц, юридических лиц.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 ВК РФ водные объекты, находящиеся в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, собственности муниципальных образований, предоставляются в пользование на основании договоров водопользования, если иное не предусмотрено чч. 2 и 3 указанной статьи Кодекса.

Так, на основании договора водопользования осуществляется использование акватории водных объектов (п. 2 ч. 1 ст. 11 ВК РФ).

Для строительства подводных и подземных переходов, трубопроводов, подводных линий связи, других линейных объектов, если такое строительство связано с изменением дна и берегов водных объектов, в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 11 ВК РФ водные объекты предоставляются в пользование на основании решения о предоставлении водных объектов в пользование.

Учитывая, что чч. 2 и 3 ст. 11 ВК РФ не указывают на возможность использования водных объектов при эксплуатации подводных переходов трубопроводов на основании решения о предоставлении водных объектов в пользование либо без заключения договора водопользования или принятия решения о предоставлении водного объекта в пользование, то при использовании водного объекта в указанных целях подлежит применению общее правило, содержащееся в ч. 1 ст. 11 ВК РФ, о необходимости заключения договора водопользования.

В частности, использование акватории водного объекта может быть осуществлено при обслуживании подводных переходов трубопроводов, осуществлении

их проверки, осмотра, испытаний, ремонта в целях обеспечения безопасной работы трубопроводов в соответствии с требованиями законодательства, а также для размещения охранной зоны линейных объектов, наличие которой предполагает ограничение в использовании в установленном порядке акватории водного объекта и хозяйственной деятельности, включая полный запрет на осуществление любых действий, которые могут нарушить нормальную эксплуатацию подводных переходов трубопроводов либо привести к их повреждению.

Таким образом, при использовании акватории водного объекта в целях эксплуатации подводных переходов трубопроводов, расположенных ниже естественных отметок дна водного объекта, требуется заключение договора водопользования.

Следовательно, использование акватории водного объекта для эксплуатации подводных переходов трубопроводов, расположенных ниже естественных отметок дна водного объекта (реки, ручья), без оформления договора водопользования является основанием для признания судом такого использования незаконным.

Вопрос 7. Юридическое лицо (владелец трубопровода) во исполнение предписания, обязывающего его заключить договор водопользования, в установленной срок обратилось с надлежащим заявлением о его заключении, однако договор не был заключен по независящим от этого лица причинам. Может ли суд при таких обстоятельствах признать, что юридическое лицо предприняло все зависящие от него меры к исполнению предписания в целях устранения нарушений в сфере водопользования?

Ответ. Согласно ст. 16 ВК РФ договор водопользования заключается в соответствии с гражданским законодательством, если иное не предусмотрено данным Кодексом.

Гражданский кодекс РФ содержит общее правило о заключении договора посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной.

В случаях, когда в соответствии с Гражданским кодексом РФ или иными законами для стороны, которой направлена оферта (проект договора), заключение договора обязательно, эта сторона должна направить другой стороне извещение об акцепте, либо об отказе от акцепта, либо об акцепте оферты на иных условиях (протокол разногласий к проекту договора) в течение тридцати дней со дня получения оферты (п. 1 ст. 445 ГК РФ).

Положениями Водного кодекса РФ предусмотрены следующие правила заключения договора водопользования.

Договор водопользования в части использования акватории водного объекта заключается по результатам аукциона в случаях, установленных Правительством РФ, а также в случае, если имеется несколько претендентов на право заключения такого договора (ч. 2 ст. 16 ВК РФ).

Согласно постановлению Правительства РФ от 14 апреля 2007 г. № 230 “О договоре водопользования, право на заключение которого приобретает на аукционе, и о проведении аукциона” на аукционе заключается договор водопользования для использования акватории водного объекта в случаях, когда договором водопользования предусматриваются разметка границ акватории водного объекта, размещение на ней зданий, строений, плавательных средств, других объектов и сооружений, а также в случаях, предусматривающих иное обустройство акватории водного объекта.

Для случаев, когда договор водопользования заключается без проведения аукциона, постановлением Правительства РФ от 12 марта 2008 г. № 165 “О подго-

товке и заключении договора водопользования” утвержден порядок подготовки и заключения договора водопользования относительно водного объекта, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

Как постановление Правительства РФ от 14 апреля 2007 г. № 230, так и постановление Правительства РФ от 12 марта 2008 г. № 165 предусматривают положения о том, что физическое, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, заинтересованные в предоставлении им акватории водного объекта в пользование, обращаются в уполномоченный орган с заявлением о предоставлении акватории водного объекта. Заявление представляется по форме, утвержденной приказами Министерства природных ресурсов РФ от 22 мая 2007 г. № 128 и от 23 апреля 2008 г. № 102, с приложением установленного пакета документов.

Из указанных нормативных актов следует, что лицо, предполагающее использовать акваторию водного объекта, вправе инициировать заключение соответствующего договора водопользования, обратившись в уполномоченный орган с заявлением о предоставлении водного объекта в пользование (направить оферту).

Таким образом, учитывая положения гражданского законодательства о заключении договора, положения водного законодательства о договоре водопользования, в случае обращения владельца трубопровода с надлежащим заявлением о заключении соответствующего договора, который не был заключен по независящим от него причинам, суд может признать, что юридическое лицо предприняло все зависящие от него меры к исполнению предписания, обязывающего заключить договор водопользования в целях устранения нарушений в сфере водопользования.

Применение налогового законодательства

Вопрос 8. Вправе ли плательщик налога на прибыль организаций учесть в составе расходов при исчислении налога проценты за пользование чужими денежными средствами, которые уплачиваются в бюджет в связи с использованием налогоплательщиком имущества, принадлежащего Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию в отсутствие заключенного договора аренды?

Ответ. В соответствии со ст. 247 НК РФ объектом налогообложения по налогу на прибыль организаций признается полученная налогоплательщиком прибыль, которая для российских организаций определяется как полученные доходы, уменьшенные на величину произведенных налогоплательщиком расходов.

Под расходами налогоплательщика, которые признаются обоснованными и могут быть учтены при исчислении налога на прибыль согласно п. 1 ст. 252 НК РФ, при этом понимаются экономически оправданные затраты при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода.

Таким образом, в главе 25 НК РФ “Налог на прибыль организаций” при регулировании налогообложения прибыли организаций установлена соотносимость доходов и расходов и связь последних именно с деятельностью налогоплательщика по извлечению прибыли. Объектом налогообложения при этом выступает полученный налогоплательщиком результат его хозяйственной деятельности в виде прибыли.

Следовательно, если принадлежащее Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию имущество фактически использовалось налогоплательщиком в его деятельности, направленной на получение дохода, возникшие в связи с этим расходы в виде процентов, которые в соответствии с п. 2 ст. 1107 ГК РФ начисляются на неос-

новательно сбереженную плату за внедоговорное пользование таким имуществом, могут быть учтены при налогообложении.

Предусмотренный п. 2 ст. 270 НК РФ запрет для включения в состав расходов по налогу на прибыль штрафов, пеней и иных санкций, перечисляемых в бюджет, на рассматриваемые проценты не распространяется.

Процессуальные вопросы и исполнительное производство

Вопрос 9. Подлежат ли принятию к рассмотрению арбитражным судом кассационной инстанции, образованным в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ “Об арбитражных судах в Российской Федерации”, заявления об обеспечительных мерах и заявление о приостановлении исполнения судебных актов, поданные в суд до возбуждения производства по кассационной жалобе?

Ответ. Исходя из ч. 2 ст. 90 и ч. 1 ст. 284 АПК РФ, заявление об обеспечительных мерах может быть подано в арбитражный суд кассационной инстанции, образованный в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ “Об арбитражных судах в Российской Федерации”, который рассматривает его по правилам главы 8 АПК РФ.

В силу ч. 1 ст. 92, ч. 1 ст. 93 АПК РФ заявление об обеспечении иска может быть подано в арбитражный суд одновременно с иском, в том числе может быть изложено в исковом заявлении, или в процессе производства по делу до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, и рассматривается арбитражным судом, в производстве которого находится дело.

Из разъяснений, содержащихся в пп. 7, 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 55 “О применении арбитражными судами обеспечительных мер”, следует, что, если заявление об обеспечении иска подано одновременно с иском, такое заявление не рассматривается в случаях возвращения искового заявления, а также до устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления искового заявления без движения.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что до принятия к производству кассационной жалобы заявление об обеспечительных мерах не рассматривается.

Что касается предварительных обеспечительных мер, они не могут применяться арбитражным судом кассационной инстанции, образованным в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ, поскольку направлены на обеспечение имущественных интересов заявителя до предъявления иска (ст. 99 АПК РФ).

Исходя из взаимосвязанного толкования положений ст. 283 АПК РФ, посвященной приостановлению исполнения судебных актов арбитражным судом кассационной инстанции, образованным в соответствии с Федеральным конституционным законом “Об арбитражных судах в Российской Федерации”, и ст. 278 АПК РФ, возможность рассмотрения судом заявления о приостановлении исполнения судебных актов до принятия к производству кассационной жалобы не предусматривается.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции”, разъяснения которого также следует учитывать при решении поставленного вопроса, обращается внимание судов на возможность приостановления исполнения только тех судебных постановлений, в отношении которых поданы кассационная жалоба, представление. Данное разъяснение обусловлено тем, что

любые процессуальные действия, которые должны совершаться судом на определенной стадии процесса, не могут быть совершены до возбуждения данной стадии или по ее окончании.

Таким образом, из толкования приведенных выше норм процессуального законодательства и разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда РФ и Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ, следует вывод о том, что заявление об обеспечительных мерах и заявление о приостановлении исполнения судебных актов, поданные в арбитражный суд кассационной инстанции, образованный в соответствии с Федеральным конституционным законом “Об арбитражных судах в Российской Федерации”, до возбуждения производства по кассационной жалобе, по общему правилу не могут быть приняты и рассмотрены этим судом до принятия кассационной жалобы к производству.

Вопрос 10. Может ли суд признать публичные торги недействительными в связи с допущенными судебным приставом-исполнителем нарушениями, повлекшими за собой незаконную передачу имущества должника на реализацию с публичных торгов?

Ответ. В силу п. 1 ст. 449¹ ГК РФ под публичными торгами понимаются торги, проводимые в целях исполнения решения суда или исполнительных документов в порядке исполнительного производства. Правила, предусмотренные ст.ст. 448 и 449 ГК РФ, применяются к публичным торгам, если иное не установлено названным Кодексом и процессуальным законодательством.

Согласно п. 1 ст. 449 ГК РФ торги, проведенные с нарушением правил, установленных законом, могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица в течение одного года со дня их проведения.

Приведенный в п. 1 ст. 449 ГК РФ перечень оснований для признания торгов недействительными не является исчерпывающим.

Исходя из положений чч. 6 и 7 ст. 87 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” (далее — Закон об исполнительном производстве), основаниями для начала процедуры проведения публичных торгов являются постановление судебного пристава-исполнителя о передаче имущества должника на реализацию и передача этого имущества судебным приставом-исполнителем специализированной организации по акту приема-передачи.

Между тем, если исполнительное производство возбуждено в отсутствие законных оснований для его возбуждения (в частности, по поддельному исполнительному документу либо по исполнительному листу, являющемуся ничтожным вследствие отмены судебного акта, во исполнение которого он выдан, и предъявленному к исполнению взыскателем после принятия противоположного решения) или на реализацию передано имущество, на которое не может быть обращено взыскание, то у организатора публичных торгов отсутствуют предусмотренные Законом об исполнительном производстве основания для проведения процедуры публичных торгов.

Таким образом, публичные торги могут быть признаны недействительными в связи с допущенными судебным приставом-исполнителем нарушениями, повлекшими за собой незаконную передачу на публичные торги имущества должника, например при возбуждении исполнительного производства в отсутствие законных оснований для его возбуждения, при обращении взыскания на имущество, не подлежащее реализации.

То обстоятельство, что соответствующие постановления (действия) судебного пристава-исполнителя не были признаны незаконными в отдельном судебном производстве, не является основанием для отказа в

иске заинтересованного лица о признании публичных торгов недействительными, и законность этих постановлений (действий) судебного пристава-исполнителя суд оценивает при рассмотрении иска о признании публичных торгов недействительными.

Вопросы по применению положений главы 32 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации

Вопрос 11. К подведомственности какого суда относятся споры о взыскании обязательных платежей и санкций с физического лица, не зарегистрированного в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя, но фактически осуществляющего предпринимательскую деятельность?

Ответ. Согласно ч. 1 ст. 212 АПК РФ дела о взыскании с лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, обязательных платежей и санкций, предусмотренных законом, рассматриваются арбитражным судом по общим правилам искового производства. При этом названным Кодексом не предусматривается возможность взыскания обязательных платежей и санкций с физического лица, не зарегистрированного в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя.

Часть 1 ст. 286 КАС РФ предусматривает право органов, наделенных функциями контроля за уплатой обязательных платежей, обратиться в суд с административным иском заявлением о взыскании с физических лиц денежных сумм в счет уплаты установленных законом обязательных платежей и санкций, если федеральным законом не предусмотрен иной порядок их взыскания.

Таким образом, закон устанавливает различную подведомственность споров о взыскании обязательных платежей и санкций с физического лица в зависимости от наличия у него статуса индивидуального предпринимателя. При этом в случае отсутствия указанного статуса названные дела подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции по правилам главы 32 КАС РФ.

С момента прекращения действия государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя дела о взыскании обязательных платежей и санкций с участием такого гражданина, в том числе связанные с осуществлявшейся им ранее предпринимательской деятельностью, подведомственны судам общей юрисдикции, за исключением случаев, когда данные дела были приняты к производству арбитражным судом с соблюдением правил подведомственности до прекращения государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 за 2014 год, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 декабря 2014 г.).

Вопрос 12. Подлежит ли административное исковое заявление о взыскании обязательных платежей и санкций оставлению без движения в случае отсутствия сведений о направлении административным истцом административному ответчику требования об уплате платежа в добровольном порядке?

Ответ. Статья 287 КАС РФ предъявляет специальные требования к административному исковому заявлению о взыскании обязательных платежей и санкций.

В силу п. 4 ч. 1 данной статьи Кодекса названное административное исковое заявление должно быть оформлено в соответствии с ч. 1 ст. 125 КАС РФ с обязательным указанием сведений о направлении административным истцом административному ответчику требования об уплате платежа в добровольном порядке.

При этом к такому заявлению прилагается копия направленного требования (ч. 2 ст. 287 Кодекса).

Таким образом, направление административным истцом административному ответчику требования об уплате платежа в добровольном порядке является обязательным условием для обращения в суд.

Согласно ч. 1 ст. 130 Кодекса в случае, если в административном исковом заявлении отсутствуют сведения о направлении требования административному ответчику либо такие сведения указаны, но не приложены соответствующие документы, судье надлежит оставить заявление без движения для устранения данного недостатка.

В силу п. 7 ч. 1 ст. 129 КАС РФ непредставление названных документов в срок, указанный в определении судьи, является основанием для возвращения административного искового заявления о взыскании обязательных платежей и санкций.

Вопрос 13. Требуется ли к административному исковому заявлению о взыскании обязательных платежей и санкций прилагать документы, подтверждающие сведения о кадастровой стоимости объекта недвижимости, исходя из которой исчислен налог на имущество физического лица и (или) земельный налог?

Ответ. В силу пп. 2 и 5 ч. 1, ч. 2 ст. 287 КАС РФ по административному делу о взыскании обязательных платежей и санкций на административного истца возлагается обязанность представить доказательства, подтверждающие размер денежной суммы, составляющей платеж либо санкцию, и ее расчет.

Налоговая база по земельному налогу и налогу на имущество физических лиц определяется как кадастровая стоимость объектов налогообложения (ст.ст. 390, 402 НК РФ). Сведения о кадастровой стоимости в целях исчисления указанных налогов представляются налоговому органу из государственного кадастра недвижимости органами, осуществляющими государственный кадастровый учет (п. 4 ст. 391, ст. 403 НК РФ).

В связи с тем, что суммы названных налогов исчисляются налоговыми органами, на которые законом возложена обязанность обосновать их расчет, в административном исковом заявлении о взыскании обязательных платежей и санкций по земельному налогу и (или) по налогу на имущество физических лиц либо в приложениях к нему документах должны быть указаны сведения о кадастровой стоимости соответствующего объекта недвижимости (п. 3 ст. 396, ст. 408 НК РФ).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

1. Из Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2009 года отзывается ответ на вопрос № 3 о том, имеют ли право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии с подп. 13 п. 1 ст. 27 Закона РФ от 17 декабря 2002 г. № 173-ФЗ “О трудовых пенсиях в Российской Федерации” бортовые операторы воздушных судов гражданской авиации.

2. Из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2011 года отзывается ответ на вопрос, касающийся порядка определения размера единовременного пособия военнослужащим, принимавшим участие в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом.

3. Из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2011 года (раздел “Практика рассмотрения дел по спорам, возникающим из социальных, трудовых и пенсионных правоотношений”) отзывается пример под номером 8 (определение № 14-В11-18).

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации” “толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; ст.ст. 3—33). Согласно пункту “b” части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования”.

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административно-правовых отношений, а также в сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека (далее — Европейский Суд) по делу “Целовальник против России”, жалоба № 28333/13 (вынесено 8 октября 2015 г., стало окончательным 8 января 2016 г.).

Заявитель жаловался на то, что власти не предприняли мер для защиты его здоровья и благополучия и не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь в нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция).

Европейский Суд установил, что “после поступивших жалоб заявителя на боль в колене, врач предположил наличие у него ревматоидного полиартрита и деформирующего остеоартроза, а также рекомендовал рентгенологическое обследование... Рентгенологическое обследование проведено в августе 2010 года, серьезных патологий не выявлено. Врачи заключили, что болевой синдром заявителя был связан с гепатитом С и назначили ему лечение с использованием гепатопротекторов” (п. 52 постановления).

Суд отметил, что “в случае подозрений на ревматоидный полиартрит постановление № 587 Министерства здравоохранения и социального развития от 20 сентября 2005 г. предписывает проведение значительного количества диагностических исследований... [Н]есмотря на жалобы заявителя на сильную боль, тюремные медицинские специалисты ограничились проведением крайне поверхностного и диагностически ограниченного рентгенологического исследования, а также не посчитали нужным прибегнуть к проведению иных диагностических исследований или тщательного обследования... Таким образом, власти, проигнорировав данное предписание, нарушили внутренние медицинские стандарты” (п. 52 постановления).

Европейский Суд установил, что “...в ходе медицинского обследования заявителя в августе 2010 года он не был осмотрен ревматологом. Осмотр данным специалистом не проводился вплоть до декабря

2012 года, когда у заявителя было диагностировано несколько костно-суставных заболеваний... [Ф]акт того, что власти не обеспечили обследование заявителя профильными специалистами, заставляет усомниться в точности постановки диагноза и эффективности лечения... [Н]есмотря на продолжающиеся постоянные жалобы заявителя на сильную боль, он не был обследован в течение почти трех лет” (п. 53 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...заявитель не получил комплексного, эффективного и прозрачного лечения его заболевания в период заключения. Учитывая эти обстоятельства, Суд не может не прийти к заключению о том, что непредоставление властями необходимой медицинской помощи заявителю представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции” (п. 57 постановления).

Постановление Европейского Суда по делу “Патракин против России”, жалоба № 12983/14 (вынесено 23 июля 2015 г., стало окончательным 14 декабря 2015 г.).

Заявитель жаловался на то, что власти не провели медицинского обследования в отношении него с тем, чтобы ответить на три поставленных Европейским Судом вопроса, и тем самым не исполнили указание Европейского Суда о применении обеспечительной меры в соответствии с правилом 39 и нарушили требования ст. 34 Конвенции.

Европейский Суд подчеркнул, что цель обеспечительных мер “...заключается не только в обеспечении возможности эффективного рассмотрения жалобы, но и в том, чтобы защита, предоставляемая заявителю Конвенцией, являлась эффективной; такие меры впоследствии позволяют Комитету [м]инистров контролировать исполнение окончательного постановления. Обеспечительные меры, таким образом, позволяют соответствующему государству выполнить свое обязательство по соблюдению окончательных постановлений Суда, которое имеет обязательную юридическую силу в силу статьи 46 Конвенции... Ключевое значение обеспечительных мер еще более подчеркивается тем фактом, что Суд, в принципе, принимает решение об их применении только в действительно исключительных случаях и на основе тщательного анализа всех соответствующих обстоятельств. В большинстве таких дел заявители сталкиваются с реальной угрозой для их жизни и здоровья с последующей реальной опасностью серьезного и необратимого вреда в нарушение основных положений Конвенции” (пп. 46—47 постановления).

Суд отметил, что “...он указал российским [в]ласти в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, что, в интересах надлежащего порядка проведения производства по делу, заявитель должен был быть незамедлительно осмотрен медицинскими экспертами, независимыми от уголовно-исполнительной системы, включая невролога и эпилептолога. Эксперты должны были ответить на вопросы о том, были ли лечение и физический уход за заявителем адекватными его состоянию, является ли его нынешнее состояние здоровья совместимым с содержанием под стражей в условиях исправительной колонии или тюремной больницы и, в заключение, требует ли текущее состояние заявителя помещения его в специализированный стационар или его освобождения. Власти в ответ представили Суду печатную копию истории болезни заявителя, подготовленную администрацией исправительного учреждения; справки, выданные начальником исправительной колонии, в которой содержался заявитель...” (п. 50 постановления).

Европейский Суд напомнил, что “...цель обеспечительной меры в данном деле... заключалась в получении независимой медицинской оценки состояния здоровья заявителя, качества полученного им лечения и соответствия условий его содержания под стражей медицинским показаниям. Эти экспертные свидетельства были необходимы для принятия решения о том, в действительности ли, как утверждал заявитель, условия его содержания под стражей, включая предполагаемое отсутствие необходимой медицинской помощи, представляли собой угрозу его жизни и здоровью. Дополнительно Суд обращает внимание на противоречивый характер заключений, подготовленных медицинскими экспертами заявителя и представлены [х] администрацией колонии, которые заявитель подал совместно с жалобой и ходатайством о [б] обеспечительной мере. В настоящем деле обеспечительная мера была призвана обеспечить заявителю возможность представлять свою позицию по делу в Суде” (п. 51 постановления).

Суд отметил, что “...целью экспертизы, результаты которой были представлены совместно с отчетом, было сравнение состояния заявителя с перечнем, закрепленным в [п]остановлении Правительства, который мог послужить основанием для его освобождения. Ограничив свою оценку исключительно пересказом медицинской карты заявителя, указанные три врача не оценили состояние заявителя в отрыве от указанного перечня, а также не оценили, требует ли болезнь заявителя, отдельно или в комбинации, с учетом симптомов, природы и течения таковой, дополнительно, специфического лечения или даже перевода заявителя в специализированную больницу. Также они не оценили качество медицинской помощи, которую он получал в исправительном учреждении, или условия, в которых он содержался” (п. 53 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...[в]ласти сами ответили на три вопроса, поставленные Судом... с учетом важной роли, которую обеспечительные меры играют в системе Конвенции, они должны строго соблюдать соответствующим государством. Соответственно, Суд не может представить себе ситуацию, при которой властям позволяется обойти такую обеспечительную меру, как та, которая была указана в настоящем деле, подменив экспертное заключение своей собственной оценкой положения заявителя. Тем не менее, в настоящем деле [в]ласти именно так и поступили. Тем самым государство подорвало цель применения обеспечительной меры, заключавш[ейся] в том, чтобы позволить Суду, на основе соответствующего независимого медицинского заключения, эффективным образом отреагировать на продолжающиеся физические и моральные страдания, которым мог подвергаться заявитель в нарушение гарантий статьи 3 Конвенции, и, в случае необходимости, — прекратить их... [О]рганы государственной власти не выполнили обязательства, установленные статьей 34 Конвенции” (пп. 55—56 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что во время заключения он был лишен возможности получать эффективную медицинскую помощь, что привело к серьезному ухудшению его здоровья, поставило его жизнь под угрозу и стало причиной сильных физических и моральных страданий.

Суд установил, что “...заявитель почти полностью парализован и страдает от рассеянного склероза и эпилепсии... Власти не смогли представить убедительных доказательств получения заявителем эффективного лечения в связи с имеющимися у него заболеваниями во время нахождения под стражей” (пп. 70, 75 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...заявитель был лишен медицинской помощи, жизненно не-

обходимой при его заболеваниях, в первую очередь, при рассеянном склерозе, крайне серьезном заболевании, угрожающем его жизни... В случае заявителя, медицинская помощь, которую он получал, была неполной, а медицинское наблюдение — недостаточным. Несмотря на растущее количество жалоб со стороны заявителя на проблемы со здоровьем, надлежащей постоянной диагностики проведено не было... Власти не смогли обеспечить проведение дополнительных диагностических мероприятий, которые могли бы детально отобразить динамику его состояния и позволили бы своевременно корректировать лечение в соответствии с изменениями его состояния. Медицинский персонал исправительного учреждения не принял никаких мер в отношении его озабоченности или выполнения мер, рекомендованных заявителю экспертной комиссией... [З]аявитель не получал полный перечень лекарственных препаратов... [П]редоставление менее чем четверти назначенных заявителю лекарств было явно недостаточно для удовлетворения потребностей заявителя... Доказательства того, что врачи исправительной колонии эффективно лечили симптомы, связанные с рассеянным склерозом, такие как боль и проблемы с контролем за мочеиспусканием, или адекватно лечили другое заболевание заявителя, эпилепсию, не являются убедительными... даже физиотерапия, крайне необходимая для лечения проблем с движением заявителя, не применялась. Низкое качество медицинской помощи дополнялось тем, что заявитель содержался в условиях антисанитарии, что вело к дополнительному ухудшению состояния его здоровья... из-за отсутствия полноценного и надлежащего медицинского лечения заявитель длительное время испытывал душевные и физические страдания, умаляющие его человеческое достоинство. Непредставление администрацией необходимой медицинской помощи заявителю представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции” (п. 76 постановления).

Заявитель также утверждал, что не смог воспользоваться эффективным средством правовой защиты для обжалования отсутствия надлежащей медицинской помощи в соответствии с требованиями ст. 13 Конвенции.

Европейский Суд, оценив гражданский иск о компенсации на основании положений Гражданского кодекса, пришел к выводу, что “...такой иск не мог привести к предоставлению каких-либо мер компенсации, кроме денежной компенсации убытков, и не мог прекратить ситуацию, в которой имеет место длящееся нарушение, такое как неадекватное оказание медицинской помощи... такое средство правовой защиты не предлагает обоснованных перспектив успеха, в частности, потому, что приговор зависит от установления вины властей, что имеет низкую степень вероятности в ситуации, когда внутригосударственные правовые нормы предусматривают применение определенной меры, к примеру, определенных условий содержания под стражей или уровень медицинской помощи” (п. 86 постановления).

Суд заключил, что “...ни одно из предложенных [в]ласти средств правовой защиты не являлось эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами в соответствии со статьей 3 Конвенции” (п. 87 постановления).

См. также нижеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе № 44095/14 “А.Л. (X.W.) против России” (вынесено 29 октября 2015 г., стало окончательным 29 января 2016 г.).

Вопросы административного выдворения

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека¹

Сообщение: *Х.Е.А.К. против Дании*. Сообщение № 2343/2014. Сообщение принято Комитетом 23 июля 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Египет.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению оценку, проведенную властями государства-участника, т.е. датским Апелляционным советом по делам беженцев, в том числе предоставленную автором информацию о том, что он является одним из основателей “Ультрас Ахлави” и отвечал в этой группе за информационные технологии. Вместе с тем Комитет отмечает, что государство-участник не пришло к заключению, что лишь ввиду своего статуса в качестве одного из основателей “Ультрас Ахлави” и лица, отвечавшего в этой группе за информационные технологии, с учетом того, что изначально это был аполитичный фанатский клуб, который впоследствии приобрел политическую направленность, автор стал настолько значимой фигурой, что ему будет угрожать индивидуальная опасность подвергнуться преследованию в случае его возвращения в Египет. В этой связи государство-участник упомянуло заявление автора о том, что он не присутствовал ни при инциденте, произошедшем в Порт-Саиде, ни при одном из других столкновений между властями и демонстрантами, и, следовательно, сделало вывод о том, что автору не будет угрожать индивидуальная опасность в случае его возвращения в Египет. Государство-участник вынесло свое заключение с учетом того, что автор не представил доказательств того, что он подвергнется риску преследования со стороны членов организации “Братья-мусульмане”, что он окажется в конфликтной ситуации по смыслу законодательства об убежище относительно военных, полицейских сил безопасности или других органов власти в случае его возвращения в Египет или что египетские власти, пытаясь разыскать автора, связывались с ним или с его матерью (п. 8.3 Сообщение).

Комитет отмечает утверждение автора о доказательствах, которые он представил в подтверждение своих заявлений, в частности угрожающее письмо, пришедшее на домашний адрес его матери, фотографии египтян, которые подверглись пыткам и были убиты за свободное определение своего политического статуса и развитие социальных и культурных направлений деятельности “Ультрас Ахлави” в Египте без опасений подвергнуться преследованию, а также различные статьи, объясняющие, как нынешний режим принимает законы, позволяющие властям контролировать социальные сети, которыми пользуется “Ультрас Ахлави”, в том числе путем попыток взломать страницу группы в сети “Фейсбук” и закрыть веб-страницу группы. Комитет далее

отмечает заявления автора о том, что после того, как ему было предписано вернуться в Египет, власти неоднократно устраивали обыск в доме его матери. Государство-участник не признало достоверными утверждения о том, что египетские власти устроили обыск в доме автора, так как он не представил никаких доказательств и не объяснил, зачем власти стали бы искать его в доме матери. Кроме того, Комитет отмечает постоянные сообщения, вызывающие серьезную обеспокоенность по поводу общего положения в области прав человека в Египте, и, в частности, обращает внимание на полученную информацию о случаях маргинализации представителей оппозиции с целью пресечения инакомыслия; контроля данных, передаваемых по электронным каналам связи, со стороны государственных властей; о массовых арестах подозреваемых сторонников организации “Братья-мусульмане”; о применении пыток к задержанным и заключенным, а также о неправомерном обращении с ними; о случаях убийства протестующих; широкого применения смертной казни; ущемления права на свободное выражение мнений и нарушения прав беженцев, просителей убежища и мигрантов, которые отмечаются в докладах о Египте правозащитных механизмов Организации Объединенных Наций и международных неправительственных организаций²; а также заявления автора о том, что лица, занимавшие в иерархической структуре “Ультрас Ахлави” аналогичные или более низкие должности, были похищены, подверглись пыткам или были убиты, на основании которых он утверждает, что его может постигнуть такая же участь в случае его возвращения в Египет (п. 8.4 Сообщение).

Комитет отмечает также новые доказательства автора в виде размещенного в Интернете видеоролика на арабском языке с выступлением бывшего вице-президента Египетской футбольной ассоциации Ахмеда Абдельазиза Шобаира, в котором он 21 февраля 2014 г. заявил, что “капитан Ахмед Шобаир многократно клянется перед Богом, что “Ультрас Ахлави” является террористической группой”, допустив целесообразность запрета “Ультрас Ахлави”, так как этот клуб, предположительно, поддерживает террористические действия организации “Братья-мусульмане”, и что правительству Египта следует положить конец деятельности “Ультрас Ахлави”. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник не опровергло причисление “Ультрас Ахлави” к террористическим группам и что оно не указало в своих ответах, как такое причисление влияет на степень риска для автора, связанного с его возвращением в Египет. С учетом того, что автор предоставил надежную информацию о том, что его могут воспринять как лицо, имеющее тесную связь с группой “Ультрас Ахлави”, так как он является одним из основателей этой группы, деятельность которой правительство Египта неоднократно пыталось пресечь, Комитет считает, что автор в достаточной степени обосновал свое утверждение, что власти государства-участника не выполнили свою обязанность должным образом оценить риск, который возникнет для него в случае его возвращения в Египет, и, следовательно, постановляет считать первоначальную оценку риска государством-участником необоснованной. В связи с этим Комитет

¹ Комитет по правам человека (далее — Комитет) действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее — Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

² См., например, A/HRC/19/61/Add.4, paras. 47–52. См. также www.freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2015 и www.hrw.org/sites/default/files/wr2015_web.pdf.

считает, что с учетом конкретных обстоятельств данного дела изложенные факты и, в частности, информация об участии автора в работе группы “Ультрас Ахлави” свидетельствуют о существовании для автора индивидуального риска подвергнуться пыткам или неправомерному обращению в случае его высылки в Египет в нарушение его прав по ст. 7 Пакта (п. 8.5 Соображения).

Вывод Комитета: выдворение автора в Египет приведет к нарушению его прав по ст. 7 Пакта (п. 9 Соображения).

Сообщение: *Осайи Омо-Аменагхавон против Дании.* Сообщение № 2288/2013. Соображение принято Комитетом 23 июля 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Нигерию.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждения автора в соответствии со ст.ст. 6 и 7 Пакта о том, что в случае возвращения в Нигерию ей будет угрожать опасность убийства или пыток со стороны г-на П.Б. или г-жи Б.О. или их родственников или лиц, связанных с сетью торговли людьми в Нигерии. В обоснование своих утверждений автор ссылается на следующие факты: она была жертвой торговли людьми и была принуждена работать в качестве проститутки в Дании; она дала свидетельские показания против связанных с ней торговцев людьми в рамках уголовного судопроизводства в одном из датских судов; и она предположительно получала угрозы со стороны связанных с ней торговцев людьми и от близкого родственника одного из них, который проживает в Нигерии... Комитет принимает к сведению аргументы государства-участника о том, что, по утверждениям автора, брат г-на П.Б. угрожал ей только один раз; что, как представляется, не существует доказательств каких-либо других угроз, даже после освобождения г-на П.Б. и г-жи Б.О. из тюрьмы в марте 2011 г.; что утверждения автора о предполагаемой угрозе со стороны лиц, связанных с сетью торговли людьми, являются неясными и не сопровождаются необходимыми подробностями; и что, согласно сообщениям государств и НПО, власти Нигерии активно борются с торговлей людьми и ее последствиями, в том числе в интересах женщин — жертв торговли людьми, которые вернулись в Нигерию и постоянно проживают там (п. 7.3 Соображения).

Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает тот факт, что автор является жертвой торговли людьми со стороны г-на П.Б. и г-жи Б.О. и что они преследовались в судебном порядке и были приговорены к тюремному заключению после того, как она сообщила о них в полицию и дала свидетельские показания против них в суде. Комитет отмечает также, что отклонение ее ходатайств о предоставлении убежища Апелляционным советом по делам беженцев основывались прежде всего на отсутствии конкретной информации, подтверждающей утверждения автора об угрозах для ее безопасности со стороны родственников субъектов преступных действий и лиц, связанных с торговлей людьми в Нигерии. При проведении этой оценки Совет обобщенно сослался на меры, принимаемые нигерийскими властями в целях борьбы с торговлей людьми и оказания помощи жертвам... Комитет считает, что по конкретным обстоятельствам дела автора государство-участник не приняло во внимание особую уязвимость лиц (в данном случае — автора сообщения), ставших жертвами торговли людьми, которая зачастую продолжается в течение нескольких

лет после их спасения или освобождения от субъектов преступных действий, а также особый статус автора в качестве свидетеля в уголовном процессе против этих субъектов преступных действий. Кроме того, государство-участник не уделило надлежащего внимания конкретной способности нигерийских властей обеспечить автору, с учетом ее особых обстоятельств, защиту, гарантирующую, что ее жизнь и физическая и психическая неприкосновенность не окажутся под серьезной угрозой¹. Таким образом, депортация автора в Нигерию станет нарушением ее прав согласно ст.ст. 6 и 7 Пакта (п. 7.5 Соображения).

Вывод Комитета: выдворение автора в Нигерию в случае ее осуществления станет нарушением прав автора согласно ст.ст. 6 и 7 Пакта (п. 8 Соображения).

Сообщение: *Варда Осман Йасин против Дании.* Сообщение № 2360/2014. Соображение принято Комитетом 22 июля 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Италию.

Правовая позиция Комитета. Государства-участники должны придавать достаточное значение реальной и личной угрозе, которой лицо может подвергнуться в случае депортации² (п. 8.9 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что выдворение ее и ее троих маленьких детей в Италию в соответствии с зафиксированным в Дублинском регламенте принципом “страны первого убежища” подвергнет их реальной опасности причинения непоправимого вреда в нарушение ст. 7 Пакта. Автор основывает свой довод в том числе на том, как с ней на практике обращались после получения ею в сентябре 2008 г. вида на жительство в Италии, а также на отмеченных в различных докладах общих условиях приема просителей убежища и беженцев, прибывающих в Италию (п. 8.2 Соображения).

Комитет принимает к сведению, что, согласно не вызвавшему возражений сообщению автора, в сентябре 2008 г. после четырехмесячного пребывания в центре организации “КАРА” на Сицилии она и ее старшая дочь получили временную защиту и вид на жительство в Италии сроком на три года. На следующий день после выдачи автору вида на жительство ей сообщили, что проживать далее в центре приема ей не разрешается; в результате она осталась без крыши над головой и без средств к существованию. Она уехала из Италии и переехала в Нидерланды, но в сентябре 2009 г. ее оттуда вместе с ее малолетним ребенком вернули обратно в Италию, и она опять осталась одна на один со своими проблемами без какой-либо социальной или гуманитарной помощи со стороны итальянских властей, в том числе во время беременности, несмотря на то, что имела законный вид на жительство. Находясь в состоянии крайней нужды, она была легко уязвима и не смогла в 2011 году продлить срок действия своего вида на жительство. В 2011 году она переехала в Швецию, а оттуда в Данию, где она в июне 2012 г. подала ходатайство о предоставлении ей убежища. Сегодня автор — проситель убежища, мать-одиночка троих малолетних

¹См. United States of America, Department of State, Trafficking in Persons Report 2012, p. 270; и Trafficking in Persons Report 2014, p. 297.

²См., например, сообщение № 1763/2008, *Пиллаи против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., пп. 11.2 и 11.4.

детей, страдающая астмой, находится в крайне уязвимом положении (п. 8.4 Соображения).

Комитет принимает к сведению все доклады, представленные автором. Он также принимает к сведению, что в последних докладах засвидетельствован дефицит мест в итальянских центрах приема просителей убежища и лиц, возвращаемых согласно Дублинскому регламенту. Комитет особо отмечает сообщение автора о том, что такие же возвращающиеся в Италию лица, как она, которым защита уже была предоставлена в той или иной форме и которые во время предыдущего пребывания в Италии уже пользовались центрами приема, более не имеют права на проживание в учреждениях организации “КАРА”¹ (п. 8.5 Соображения).

6 февраля 2014 г. большинство членов датского Апелляционного совета по делам беженцев сочли, что общая информация об обстоятельствах просителей убежища, получивших временный вид на жительство в Италии, до некоторой степени оправдывает обеспокоенность тем, что гуманитарные условия, в которых находится эта группа, приближаются к уровню, на котором рассматривать Италию в качестве страны первого убежища станет уже небезопасно (п. 8.6 Соображения).

Комитет принимает к сведению вывод Апелляционного совета по делам беженцев о том, что в рамках данного дела Италию надлежит рассматривать в качестве “страны первого убежища”, а также позицию государства-участника, согласно которой государство первого убежища обязано обеспечивать просителей убежища определенными социальными и экономическими ресурсами в соответствии с базовыми гуманитарными нормами, хотя и не требуется, чтобы им были обеспечены точно те же социальные стандарты и условия жизни, что и гражданам страны. Он принимает к сведению, что государство-участник также сослалось на постановление Европейского Суда по правам человека, в котором сказано, что, хотя положение в Италии отмечено определенными недостатками, доказательств того, что просителям убежища систематически не обеспечиваются поддержка и надлежащие условия, представлено не было² (п. 8.7 Соображения).

Комитет считает, что в выводе государства-участника не учтена должным образом подробная информация, предоставленная автором, которая изложила основанный на ее собственном опыте обширный материал о том, как, несмотря на выданный ей вид на жительство в Италии, она дважды оказывалась в состоянии изоляции и крайней нужды. Кроме того, государство-участник не объясняет, каким образом в случае, если автор и ее дети будут выдворены в Италию, полученный ею, но уже просроченный вид на жительство сможет защитить ее и ее троих малолетних детей от трудностей и лишений, с которыми она уже раньше в этой стране сталкивалась (п. 8.8 Соображения).

Государство-участник было обязано провести более тщательную оценку той угрозы, которой автор могла подвергнуться в Италии, а не полагаться на доклады общего характера на том лишь основании, что раз она уже однажды получила временную защиту, то, значит, она и теперь будет в Италии иметь право на трудоустройство и социальное обеспечение. Комитет считает, что государст-

во-участник недостаточно тщательно проанализировало личный опыт автора и предсказуемые последствия в случае принудительного возвращения ее в Италию. Оно также не запросило у итальянских властей надлежащих гарантий того, что автор и ее трое малолетних детей будут приняты в условиях, совместимых с их статусом просителей убежища, которые имеют право на временную защиту и гарантии по ст. 7 Пакта; оно не обратилось к Италии с просьбой: а) продлить вид на жительство автора и ее детей и не депортировать их из Италии и б) принять автора и ее детей в условиях, соответствующих возрасту детей и уязвимому положению семьи, благодаря чему они смогут остаться в Италии (п. 8.9 Соображения).

Вывод Комитета: выдворение автора и ее троих детей в Италию в соответствии с первоначальным решением датского Апелляционного совета по делам беженцев является нарушением ст. 7 Пакта (п. 8.10 Соображения).

Сообщение: *Ф.М. против Канады.* Сообщение № 2284/2013. Соображение принято Комитетом 5 ноября 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Чад.

Правовые позиции Комитета. Следует учитывать обязанность государства-участника согласно п. 1 ст. 2 Пакта обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, в том числе в рамках осуществления процедур высылки неграждан³. Комитет напоминает также о том, что государства-участники обязаны не выдавать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории в тех случаях, когда неизбежным и предсказуемым последствием высылки будет являться реальная угроза нанесения неоправимого вреда, предусмотренного в ст. 7 Пакта, как в стране, в которую осуществляется высылка, так и в любой другой стране, в которую это лицо может быть выслано впоследствии⁴. Комитет определил, что угроза должна существовать лично⁵ для человека и что для вывода о реальной опасности нанесения неоправимого вреда должны иметься серьезные основания⁶. Соответственно, должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, в частности общее положение с правами человека в стране происхождения автора⁷ (п. 9.3 Соображения).

[О]ценка фактов и доказательств в каждом конкретном случае относится, как правило, к компетенции судов государств — участников Пакта, кроме тех случаев, когда может быть установлено, что такая оценка была явно произвольной или равносильной отказу в правосудии⁸ (п. 9.4 Соображения).

³См. Замечания общего порядка № 6 (1982 год) о праве на жизнь (ст. 6 Пакта) и № 20 (1992 год) о запрещении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (ст. 7 Пакта); см. также *Хамида против Канады*, п. 8.2.

⁴См. п. 12 Замечания общего порядка № 31; см., среди прочего, *Хамида против Канады*, п. 8.7; а также сообщение № 692/1996, *А.Р.Дж. против Австралии*, Соображения, принятые 28 июля 1997 г., п. 6.14.

⁵См. *А.Р.Дж. против Австралии*, п. 6.6.

⁶См. сообщение № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., п. 5.18.

⁷Там же.

⁸См., в частности, сообщение № 541/1993, *Симмс против Ямайки*, решение о неприемлемости, принятое 3 апреля 1995 г., п. 6.2.

¹См. AIDA, Country report: Italy, January 2015, p. 54—55, available at www.asylumineurope.org/sites/default/files/report-download/aida_italy_thirduupdate_final_0.pdf.

²См. *Мохаммед Хуссейн и др. против Нидерландов и Италии*.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению жалобу автора, который утверждает, что в результате его высылки из Канады в Чад ему может быть нанесен непоправимый вред в нарушение ст. 7 Пакта. Он принимает к сведению довод государства-участника о том, что утверждения автора являются по большей степени домыслами и что автор получил отказ от различных канадских инстанций, рассмотревших его дело, по причине несвязности и недостаточной убедительности его утверждений, а также отсутствия объективных доказательств, которые позволили бы сделать вывод о существовании опасности нанесения ему такого вреда (п. 9.2 Соображения).

Комитет отмечает, что поданное автором ходатайство о предоставлении статуса беженца было тщательно изучено органами государства-участника, которые заключили, что заявления автора по поводу мотива обращения с таким ходатайством и его рассказ о событиях, заставивших его покинуть Чад, не заслуживают доверия. Отдел защиты беженцев (далее — ОЗБ) счел свидетельство автора недостоверным, особенно учитывая факт представления им членского билета Ассоциации для поощрения основных свобод в Чаде, который ОЗБ признал поддельным. Автор никак не разъяснил этот факт, за исключением упоминания им некоторых “противоречий” в его свидетельстве в момент прибытия в Канаду (п. 5.2 Соображения). Кроме того, ОЗБ выявил существенное противоречие в рассказе автора, который первоначально заявил, что его никогда не арестовывали, ему не предъявляли обвинений и его не заключали под стражу, а затем изменил свое свидетельство для того, чтобы утверждать, в том числе в его обращении в Комитет, что в марте 2008 г. он был арестован и задержан на четыре дня сотрудниками Национального агентства безопасности. Кроме того, его утверждения о том, что сотрудники, которые освободили его в 2008 году, все еще его разыскивают, неправдоподобны (п. 9.5 Соображения).

Комитет не видит причин оспаривать выводы государства-участника, поскольку автор не указал ни какое-либо нарушение, допущенное в процессе принятия решений, ни какой-либо фактор риска, который не был бы надлежащим образом учтен органами государства-участника. Автор не смог доказать, что в его случае решения были явно необоснованными, принятыми с нарушениями или произвольно. Кроме того, Комитет полагает, что многочисленные документальные доказательства и свидетельства, представленные автором как в национальные юрисдикционные органы, так и в Комитет, хотя и вне всяких сомнений свидетельствуют о вызывающей обеспокоенность ситуации, сложившейся в Чаде¹, но не указывают на наличие личного риска² или серьезных оснований для того, чтобы сделать вывод о реальной опасности причинения ему непо-

правимого вреда в случае принудительного возвращения в Чад³ (п. 9.6 Соображения).

Вывод Комитета: выдворение автора в Чад не будет представлять собой нарушения ст. 7 Пакта (пп. 9.7, 10 Соображения).

Сообщение: *П. С. Б. и Т. К. против Канады.* Сообщение № 202/2012. Решение принято Комитетом 13 августа 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Индию.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что положение в области прав человека в Пенджабе и Индии в последние годы улучшилось и стабилизировалось. В то же время он отмечает, что в докладах, представленных заявителем и государством-участником, подтверждается, в частности, что продолжают иметь место многочисленные случаи пыток во время содержания под стражей в полиции и что в настоящее время правонарушители повсеместно пользуются безнаказанностью⁴ (п. 8.3 Решения).

Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что он должен уделять необходимое внимание выводам... компетентных органов, которые провели тщательный анализ рисков, о которых говорят заявители, и что утверждения заявителей не требуют переоценки фактов и доказательств Комитетом (п. 8.4 Решения).

Комитет отмечает, что заявители утверждают, что подвергались пыткам в прошлом. Комитет, однако, считает, что органы государства-участника, которые рассматривали их дело, провели тщательный анализ всех представленных заявителями доказательств и сочли их недостаточно достоверными. Комитет далее отмечает, что, даже если предположить, что заявители подвергались пыткам во время содержания под стражей до суда, предполагаемые случаи пыток не происходили в недавнем прошлом⁵ (п. 8.5 Решения).

Комитет далее отмечает, что, даже если он согласится с утверждениями заявителей о том, что в прошлом они подвергались пыткам, вопрос состоит в том, угрожает ли им в настоящее время опасность применения пыток в случае возвращения в Индию. Вовсе не обязательно, что по прошествии нескольких лет после предполагаемых событий им все еще будет угрожать применение пыток в случае возвращения в страну происхождения. Комитет также принимает во внимание утверждение о том, что заявители подвергнутся пыткам в случае возвращения в Индию в силу их предполагаемой принадлежности к сикхским активистам и земельного спора между сикхским храмом и местным политиком. Комитет отмечает, что заявители не представили никаких документальных свидетельств того, что в отношении них имеются какие-либо незавершенные уголовные дела или что индийские власти выдали ордер на их арест. Напротив, они могли свободно покинуть страну. По мнению Комитета, заявителям не удалось успешно справиться с этой задачей⁶.

¹ В частности, вопросы, вызывающие обеспокоенность, перечисленные Комитетом в его заключительных замечаниях (CCPR/C/TCD/CO/2) по итогам рассмотрения второго периодического доклада Чада в 2014 году, такие как широко распространенная практика применения пыток и нарушения права на свободу выражения мнений.

² См. сообщение № 2007/2010, *Х. против Дании*, Соображения, принятые 26 марта 2014 г., п. 9.2; Комитет против пыток, сообщение № 282/2005, *С. П. А. против Канады*, Решение, принятое 7 ноября 2006 г.; сообщение № 333/2007, *Т. И. против Канады*, Решение, принятое 15 ноября 2010 г.; сообщение № 344/2008, *А. М. А. против Швейцарии*, Решение, принятое 12 ноября 2010 г.; Комитет по правам человека, *А. Р. Дж. против Австралии*, п. 6.6.

³ См. *Х. против Дании*, п. 9.2; *Х. против Швеции*, п. 5.18.

⁴ См. сообщения № 302/2006, *А. М. против Франции*, Решение от 5 мая 2010 г., п. 13.2; № 282/2005, *С. П. А. против Канады*, п. 7.1; № 319/2007, *Сингх против Канады*, Решение от 30 мая 2011 г., п. 8.2.

⁵ См., например, сообщение № 431/2010, *Ю. против Швейцарии*, Решение от 21 мая 2013 г., п. 7.7.

⁶ См. сообщение № 429/2010, *Сивананаратнам против Дании*, Решение, принятое 11 ноября 2013 г., пп. 10.5 и 10.6.

Кроме того, заявители не убедили Комитет в том, что занимавшиеся рассмотрением дела органы государства-участника не провели должного расследования (п. 8.6 Решения).

Вывод Комитета: заявители не представили достаточных оснований полагать, что им будет угрожать реальная, предсказуемая, личная опасность быть подвергнутыми пыткам в случае возвращения в Индию (п. 8.7 Решения).

Сообщение: *К. против Дании.* Сообщение № 2393/2014. Сообщение принято Комитетом 16 июля 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Афганистан.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению довод автора о том, что в случае возвращения в Афганистан ему угрожает опасность подвергнуться жестокому обращению со стороны “Талибана” и местного населения за то, что он в течение пяти лет работал устным переводчиком в вооруженных силах Соединенных Штатов в Афганистане, ввиду чего он будет немедленно отнесен к числу предателей. Он утверждает, что еще в Афганистане ему поступали угрозы со стороны талибов, его двоюродных братьев и местных жителей. Автор сообщения также ссылается на доклад Датской иммиграционной службы (далее — ДИС), в котором признается тот факт, что устные переводчики, работающие на международные силы, рискуют стать объектом внимания “Талибана”. Государство-участник оспорило приемлемость и существо этого утверждения и сочло заявления автора о предполагаемых угрозах, предшествующих его отъезду из Афганистана, противоречивыми и недостоверными по ряду причин. К этому же выводу пришла Апелляционная комиссия по делам беженцев (далее — АКБ) в своем решении от 24 июня 2013 г. (п. 7.2 Сообщения).

Комитет отмечает, что датская АКБ обстоятельно рассмотрела все утверждения автора, в частности проанализировала угрозы, предположительно полученные автором в Афганистане, и сочла их противоречивыми и недостоверными по ряду причин. Автор сообщения оспаривает оценку доказательств и фактологические выводы, сделанные АКБ, но при этом не объясняет, почему такая оценка является произвольной или иным образом представляет собой отказ в правосудии (п. 7.5 Сообщения).

Что касается общих заявлений автора о необеспечении процессуальных гарантий в АКБ, то, как отмечает Комитет, автор имел доступ к адвокату и принял участие в устном слушании при помощи устного переводчика, предоставленного АКБ. В связи с этим Комитет считает, что автор не объяснил, каким образом данное разбирательство могло представлять собой отказ в правосудии в его случае (п. 7.6 Сообщения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что он в целом рискует стать объектом внимания “Талибана” в случае возвращения в Афганистан. Тем не менее Комитет считает, что автору не удалось представить достаточно веские основания в поддержку своего утверждения о том, что он подвергнется личному риску в случае возвращения в Афганистан только в силу его прошлой работы в качестве устного переводчика в вооруженных силах Соединенных Штатов. Вследствие этого Комитет считает, что автор не привел доказательств того, что его возвращение в Афганистан будет сопряжено с угрозой подвергнуться непоправимому вреду в нарушение ст. 7 Пакта (п. 7.7 Сообщения).

Вывод Комитета: выдворение автора в Афганистан не приведет к нарушению его прав, предусмотренных ст. 7 Пакта (п. 8 Сообщения).

Сообщение: *3. против Дании.* Сообщение № 2329/2014. Решение принято Комитетом 15 июля 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Исламскую Республику Иран.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что ему угрожает реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему ст. 7 Пакта, если он будет возвращен в Исламскую Республику Иран, поскольку он является сторонником Курдской демократической партии Ирана и перед своим отъездом распространял листовки политического содержания, что предположительно известно иранским властям. Кроме того, у него есть татуировка с изображением Зартошта, по которой иранские власти заключают, что он перешел из ислама в зороастризм. По мнению автора, эти факты, в сочетании с тем фактом, что он покинул Иран незаконно и будет отправлен обратно без действительного проездного документа, ставят его под угрозу задержания и пыток со стороны иранских властей по приезде (п. 7.3 Решения).

Комитет отмечает, что Апелляционный совет по делам беженцев, принимая свои решения от 9 ноября 2009 г. и 20 сентября 2012 г., принял к сведению утверждения автора, полученные органами власти государства-участника, в том числе в ходе собеседований в Датской национальной полиции и в Иммиграционной службе Дании, а также документацию, представленную автором в обоснование своих утверждений, но при этом Совет пришел к выводу об отсутствии существенных оснований для предоставления убежища, поскольку информация, предоставленная автором, являлась неправдоподобной и сфабрикованной для данного случая. В отсутствие доказательств того, что решения Апелляционного совета по делам беженцев были явно необоснованными или произвольными в том, что касается утверждений автора сообщения, Комитет не может сделать вывод о том, что предоставленная ему информация свидетельствует о том, что высылка автора в Исламскую Республику Иран ставит его под реальную угрозу подвергнуться обращению, противоречащему ст. 7 Пакта. В свете этого вывода Комитет не считает необходимым отдельно рассматривать утверждения автора, касающиеся ст.ст. 18 и 19 Пакта (п. 7.4 Решения).

Вывод Комитета: выдворение автора в Исламскую Республику Иран не будет являться нарушением его прав согласно ст.ст. 7, 18 и 19 Пакта (п. 8 Решения).

Комитет против пыток¹

Сообщение: *3. против Дании.* Сообщение № 555/2013. Сообщение принято Комитетом 10 августа 2015 г.

Тема сообщения: выдворение в Китай.

¹ Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства — продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

Правовые позиции Комитета. Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 1, согласно которому при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий “высокой степени вероятности”, Комитет отмечает, что бремя доказывания, как правило, лежит на заявителе, который должен представить убедительные аргументы, доказывающие, что ему грозит “предсказуемая, реальная и личная” опасность¹. Комитет далее напоминает, что согласно его Замечанию общего порядка № 1 он в значительной степени опирается на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника², но при этом Комитет не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с п. 4 ст. 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу (п. 7.3 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. При оценке риска применения пыток Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что существует предсказуемая, реальная и личная опасность того, что он будет подвергнут пыткам и, возможно, будет убит в случае возвращения в Китай, поскольку он был арестован, заключен под стражу и подвергнут пыткам китайской полицией в 2005 году после того, как перевез в своем такси предполагаемого уйгурского террориста, и полиция разыскивала его в доме автора в период его содержания под стражей и в течение месяца после этого. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что его национальные органы пришли к заключению, что заявителю недостает убедительности, поскольку, в частности, он не ходатайствовал о предоставлении убежища в установленные сроки после событий, которые заставили его покинуть Китай в 2005 году, а ждал до тех пор, пока не был арестован в 2011 году; он делал противоречащие друг другу заявления о своем этническом происхождении; его жалобы в отношении действий китайской полиции во время его содержания под стражей и последующего освобождения являются неправдоподобными; он не смог дать четкие ответы на вопросы о своем родном городе и своей жизни там; экзамен на знание языка указал, что его использование языка несовместимо с речью провинции, из которой он, как он утверждает, родом; и он отказался ответить на вопросы, касающиеся его ходатайства о предоставлении убежища, в ходе второго собеседования с сотрудниками Иммиграционной службы Дании в 2013 году. Комитет отмечает, что заявитель не отрицает утверждение государства-участника о том, что он сделал противоречивые заявления по поводу своего этнического происхождения. Комитет отмечает, что инциденты, которые привели к тому, что заявитель уехал из Китая, имели место в 2005 году, и отмечает, что заявитель не сделал никаких заявлений и не представил доказательств по крайне важному вопросу о том, существует ли в настоящее время опасность подвергнуться пыткам в случае возвра-

щения в Китай, учитывая, что прошло уже 10 лет (п. 7.4 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что сотрудники китайской полиции отрезали ему три пальца; что его просьба о проведении медицинского осмотра, с тем чтобы выявить следы пыток, была отклонена датскими властями; и что у него не было средств для того, чтобы самостоятельно оплатить медицинское освидетельствование. Вместе с тем Комитет отмечает, что в данном случае, когда заявитель не обосновал основные элементы своих утверждений, ответственные органы государства-участника тщательно изучили все представленные заявителем доказательства и признали их недостоверными. Комитет считает, что заявитель не доказал, что власти государства-участника, которые рассматривали его дело, не провели должного анализа угрозы применения пыток (п. 7.5 Соображения).

Комитет отмечает, что, даже если предположить, что заявитель подвергался пыткам в прошлом, предполагаемые случаи пыток не происходили в недавнем прошлом. Комитет далее отмечает, что, даже если он согласится с утверждениями заявителя о том, что в прошлом его подвергали пыткам, вопрос состоит в том, угрожает ли ему опасность применения пыток в настоящее время в случае возвращения в Китай. Отнюдь не обязательно, что по прошествии десяти лет после предполагаемых событий ему все еще будет угрожать применение пыток в случае возвращения в страну происхождения³ (п. 7.6 Соображения).

Комитет отмечает, что заявитель не представил каких-либо документальных доказательств того, что имели место какие-либо уголовные дела, возбужденные против него, или что китайские власти выдали ордер на его арест. Напротив, согласно его собственному заявлению, после его ареста он был освобожден без предъявления обвинений (п. 7.7 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что Апелляционная комиссия по делам беженцев неправомерно отклонила его просьбу о проведении устных слушаний, поскольку проведение устных слушаний в Комиссии дало бы ему возможность убедить Комиссию в том, что он действительно является этническим уйгуром. Комитет отмечает, что в настоящем деле заявитель прошел два собеседования с сотрудниками Иммиграционной службы Дании, в ходе которых он имел возможность представить свое дело и более подробную информацию о доказательствах. В ходе собеседований заявителю был задан этот вопрос, и он не дал четкого ответа по поводу его этнического происхождения. Комитет отмечает, что заявитель не объяснил, каким образом проведение устного разбирательства в Апелляционной комиссии по делам беженцев дало бы ему возможность обосновать свои утверждения о преследованиях и пытках или доказать свое этническое происхождение, которая отличалась бы от тех возможностей, которые у него были во время двух собеседований (п. 7.8 Соображения).

Вывод Комитета: выдворение заявителя в Китай не будет представлять собой нарушение ст. 3 Конвенции (п. 8 Соображения).

Сообщение: *X., Y. и их дочь Z. против Швеции.* Сообщение № 530/2012. Решение принято Комитетом 10 августа 2015 г.

¹См., в частности, сообщения № 203/2002, *A.P. против Нидерландов*, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., и № 258/2004, *Дадар против Канады*, Решение, принятое 23 ноября 2005 г.

²См., в частности, сообщение № 356/2008, *H.C. против Швейцарии*, Решение, принятое 6 мая 2010 г., п. 7.3.

³См. сообщения № 431/2010, *Ю. против Швейцарии*, Решение от 21 мая 2013 г., п. 7.7, и № 491/2012, *E.E.E. против Швейцарии*, Решения, принятые 8 мая 2015 г., п. 7.5.

Тема сообщения: выдворение в Беларусь.

Вопрос существа: угроза применения пыток по возвращении [и] в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета. Совершение нарушений прав человека в его/ее стране происхождения не является само по себе достаточным основанием для вывода о том, что заявителю будет угрожать личная опасность применения пыток¹ (п. 8.6 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитету предстоит решить вопрос о том, будет ли принудительное возвращение заявителя в Беларусь представлять нарушение обязательств государства-участника по ст. 3 Конвенции не высылать или не возвращать ("refouler") лицо в какое-либо другое государство, в отношении которого имеются существенные основания полагать, что ему или ей будет угрожать в нем опасность применения пыток (п. 8.2 Решения).

Заявитель утверждает, что в Беларуси они могут быть подвергнуты пыткам, поскольку имеются существенные основания полагать, что преследования и предполагаемые пытки, жертвой которых стала в прошлом второй заявитель за свою политическую деятельность, а первый заявитель за его предпринимательскую деятельность, будут продолжены. В этой связи Комитет учитывает, что заявители представили медицинские документы, свидетельствующие о том, что второй заявитель подвергался злоупотреблениям и жестокому обращению после ее участия в демонстрации в 2006 году (п. 8.5 Решения).

Комитет отмечает, что даже, если согласиться с утверждением о том, что заявители подвергались жестокому обращению и/или пыткам в прошлом, вопрос состоит в том, угрожает ли им до сих пор в настоящее время опасность применения пыток в случае возвращения в Беларусь. Комитет считает, что в настоящее время общее положение в области прав человека в Беларуси вызывает обеспокоенность по ряду аспектов, в частности в отношении положения политических оппонентов после президентских выборов в декабре 2010 г. По поводу случаев пыток и полученных под пытками доказательств он напоминает, что выразил свою обеспокоенность в своих заключительных замечаниях в контексте рассмотрения сообщений, представленных государствами-участниками в соответствии со ст. 19 Конвенции², в частности относительно многочисленных и последовательных утверждений о случаях пыток и жестокого обращения с задержанными в государстве-участнике, а также того факта, что многие лишённые свободы лица подвергались пыткам, жестокому обращению и угрозам со стороны сотрудников правоохранительных органов, особенно во время задержания или до предварительного ареста, что подтверждает обеспокоенность, выраженную рядом международных экспертов и органов, в частности Специальным докладчиком по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, Советом по правам человека, Верховным комиссаром Организации Объединённых Наций по правам человека и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе. Кроме того, Комитет напоминает о своей обеспокоенности сообщениями о нескольких случаях получения признаний в результате пыток и жестокого обращения, а также по поводу отсутствия инфор-

мации о привлечении к ответственности или наказании кого-либо из должностных лиц за получение таких признательных показаний (п. 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что компетентные органы государства-участника обратили внимание на ложную информацию, несоответствия и противоречия в информации и представлениях заявителей, которые бросают тень сомнения на доверие к ним в целом и достоверность их утверждений. В частности, первый заявитель сообщил ложную информацию во время проходивших в 2004 году разбирательств его ходатайства об убежище, и в период с 2006 по 2009 год заявители на законных основаниях въезжали в Беларусь и выезжали из этой страны, получили новые паспорта и визы и после своего прибытия в Швецию более года ожидали до подачи ходатайства о предоставлении убежища. К тому же сведения об их политической деятельности с 1996 по 2009 год носят неопределённый и непоследовательный характер; и в предоставленной ими информации не хватает конкретики (п. 8.7 Решения).

Комитет принимает к сведению, что государство-участник не ставит под сомнение утверждение заявителей о том, что белорусские власти арестовали их во время демонстрации в 2006 году и что они в этой связи подвергались злоупотреблениям. Однако заявители указали, что они участвовали в нескольких демонстрациях после 2006 года (в период с 2006 по 2009 год) и при этом не подвергались аресту или каким-либо иным преследованиям со стороны полиции. Исходя из этого, заявители не утверждали, что они впоследствии подвергались преследованиям или арестовывались белорусской полицией в недавнем прошлом. Соответственно, имеются основания для сомнений в предполагаемом интересе белорусских властей к заявителям и в их постоянном преследовании спустя многие годы с учетом того, что заявители не участвовали в демонстрации в декабре 2010 г. и не являются ни заметными оппозиционными фигурами, ни близкими сторонниками таких оппонентов режима. К тому же заявители не утверждают, что являются членами какой-либо партии (п. 8.8 Решения).

Комитет учитывает утверждение государства-участника о том, что во время собеседования в Миграционном совете второй заявитель имела возможность сообщить все соответствующие факты, а также прочитать и проверить протокол в присутствии общественного адвоката. Комитет отмечает, что миграционные органы не оставили без внимания и не поставили под сомнение тот факт, что она подвергалась злоупотреблениям в связи с демонстрацией 2006 года, и сделали соответствующие оценки (п. 8.9 Решения).

Комитет отмечает, что не было представлено доказательств в подтверждение утверждения заявителей, что их политическая деятельность в Беларуси с 2006 по 2009 год, а также в Швеции с 2009 года (например, подача жалоб в различные органы в Беларуси и распространение через Интернет пропагандистских материалов против существующего режима) вызвала у властей интерес к ним и что они получали угрозы от белорусских властей напрямую или косвенно посредством телефонных звонков из минской полиции в Швецию, а также посредством предполагаемых попыток выяснить местонахождение заявителей и установить их контактные данные со стороны полиции во время допросов матери и приемного отца первого заявителя после их предполагаемого ареста в декабре 2010 г. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что ни мать, ни приемный отец, ни сами заявители не фи-

¹См., в частности, сообщение № 519/2012, *Т.М. против Республики Корея*, Решение от 21 ноября 2014 г., п. 9.7.

²См. заключительные замечания по Беларуси, CAT/C/BLR/CO/4, пп. 10 и 18.

гурируют в списке арестованных подозреваемых или обвиняемых в преступлениях лиц в связи с событиями 19 декабря 2010 г.¹ Как указали шведские миграционные органы во время внутреннего разбирательства, заявители не являются членами какой-либо политической партии и не продемонстрировали, что белорусские власти проявляют какой-либо интерес к их предполагаемой политической деятельности (п. 8.10 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждения заявителей о том, что их вызывали для допросов в минскую полицию, что первому заявителю были предъявлены обвинения в уклонении от уплаты налогов в связи с его предыдущей предпринимательской деятельностью, что второму заявителю в настоящее время предъявлено обвинение в совершении в Беларуси серьезного правонарушения, связанного с оружием, и что такие выдвинутые против них обвинения на самом деле имеют политически мотивированный характер. Однако Комитет отмечает, что вызовы в полицию не доказывают, что заявителям обвиняют в каких-либо преступлениях в связи с демонстрацией в декабре 2010 г. Комитет считает, что они не смогли обосновать тот факт, что их вызов в полицию является политически мотивированным (п. 8.11 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что содержание всех представленных документов убедительно не показывает, что заявителям будет угрожать опасность применения пыток после возвращения в Беларусь (п. 8.12 Соображения).

Вывод Комитета: выдворение заявителей в Беларусь не будет представлять собой нарушение ст. 3 Конвенции государством-участником (п. 9 Решения).

Сообщение: *Z. против Швейцарии*. Сообщение № 468/2011. Решение принято Комитетом 5 мая 2015 г.
Тема сообщения: выдворение в Алжир.

Правовые позиции Комитета. Комитет должен определить, явится ли высылка заявителя в Алжир нарушением государством-участником своего обязательства по ст. 3 Конвенции не высылать и не возвращать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения заявителя в Алжир ему будет лично угрожать опасность применения пыток. Для этого в соответствии с п. 2 ст. 3 Конвенции Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитету надлежит установить, угрожает ли лично данному лицу предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он подлежит возвращению. Следовательно, наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в стране само по себе не является серьезным основанием полагать, что после возвращения в эту страну тому или иному лицу будет угрожать опасность применения пыток; должны быть приведены дополнительные основания, подтверждающие, что соответствующему лицу будет лично угрожать такая опасность² (п. 7.3 Решения).

¹ Согласно информации, собранной центром по правам человека “Весна”.

² И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что какое-либо лицо не может подвергнуться пыткам в конкретных обстоятельствах его дела.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. В данном конкретном случае Комитет отмечает, что заявитель ссылается на защиту, предоставляемую ст. 3 Конвенции, на том основании, что ему угрожает опасность подвергнуться жестокому обращению в Алжире, поскольку алжирские власти считают его дезертиром и подозревают в сотрудничестве с террористами. Комитет отмечает, что, по утверждениям заявителя, в период прохождения обязательной военной службы он имел доступ к секретной информации. Комитет считает, что владение такой информацией могло бы представлять собой повышенную опасность применения жестокого обращения в том случае, если заявителя подозревали бы в поддержании контактов с террористами. Тем не менее Комитет полагает, что заявитель не представил достаточного количества доказательств, позволяющих сделать вывод о том, что он подозревается в таких контактах. Комитет также отмечает, что заявитель ни разу не упоминал о применении к нему пыток в Алжире и что он не представил никаких доказательств в обоснование утверждения, согласно которому он мог бы подвергнуться жестокому обращению в случае его депортации в страну происхождения³. Аналогичным образом в отношении замечаний государства-участника о противоречивом характере показаний заявителя, данных им в ходе внутренних процедур, Комитет считает, что заявитель не представил никаких элементов, позволяющих придать вес его ответам на упомянутые замечания. Комитет полагает, что, даже если исходить из возможности ареста заявителя после его возвращения в Алжир на основании постановления об объявлении его в розыск, один только факт, что он может вновь быть взят под стражу и считаться дезертиром, не является веским основанием считать, что ему угрожает опасность подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. С учетом вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что предоставленная заявителем информация является недостаточной для того, чтобы подтвердить его утверждения о том, что в случае его возвращения в Алжир он лично подвергнется прогнозируемой и реальной опасности применения пыток или жестокого обращения (п. 7.4 Решения).

Вывод Комитета: выдворение заявителя в Алжир государством-участником не будет являться нарушением ст. 3 Конвенции (п. 8 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по делу “А.Л. (X.W.) против России”, жалоба № 44095/14 (вынесено 29 октября 2015 г., стало окончательным 29 января 2016 г.).

Заявитель жаловался, что, если он будет выдворен в Китай, он подвергнется риску быть приговоренным к смертной казни и казненным.

Европейский Суд отметил, что “внутригосударственные суды не произвели оценку рисков подвергнуться смертной казни и бесчеловечному обращению, если заявитель будет депортирован в Китай. Их аргументация по этому вопросу ограничивалась утверждением, без ссылки на какое-либо внутригосударственное положение, что решение о нежелательности пребывания, вынесенное в отношении заявителя, не влекло за собой автоматической депортации в Китай и что заявитель мог уехать из России в другую страну... В решении о нежелательности пребывания в отношении заявителя

³ См. сообщение № 154/2000, *М.С. против Австралии*, Решение от 23 ноября 2001 г., п. 6.5.

ля четко указывалось, что если он не уедет из России до установленного срока, его депортируют... российский паспорт заявителя был изъят, и доказательства, что у него имелся какой-либо другой действительный документ или соответствующие визы, позволяющие ему пересечь российскую границу и въехать в третью страну, отсутствуют” (п. 65 постановления).

Суд отметил, что “имелся значительный и предсказуемый риск, что, будучи депортированным в Китай, заявитель мог подвергнуться смертной казни после судебного разбирательства по обвинению в убийстве, преступлении, которое наказывается смертной казнью” (п. 66 постановления).

Суд заключил, что “принудительное возвращение заявителя в Китай подвергнет его реальному риску... обращению, противоречащему ст.ст. 2 и 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) и, таким образом, повлечет за собой нарушение этих статей” (п. 66 постановления).

Заявитель также жаловался, что условия содержания в Центре для содержания иностранных граждан были бесчеловечными и унижающими достоинство, а также что он был помещен в одиночную камеру и, следовательно, был социально изолирован.

Суд подчеркнул, что “одиночное заключение является одной из самых серьезных мер, которые могут быть применены к лицу. Учитывая тяжесть такой меры, внутригосударственные власти несут обязательство по оценке всех соответствующих факторов в деле заключенного до его помещения в одиночное заключение... [Д]ля того, чтобы избежать риска произвола, вытекающего из решения поместить заключенного в одиночную камеру, решение должно сопровождаться процессуальными гарантиями, обеспечивающими благополучие заключенных и соразмерность применяемой меры” (п. 76 постановления).

Европейский Суд установил, что “заявитель содержался в одиночном заключении на всем протяжении его пребывания в Центре для содержания иностранных граждан... более четырех месяцев... [О]н не имел никаких контактов с другими заключенными. Его контакт с надзирателями был ограничен раздачей пищи через маленькое окошко в двери и нерегулярным сопровождением до прогулочного двора, где он снова оставался один. Встречи с членами семьи были также ограничены, то есть заявителю разрешили только четыре получасовых встречи с женой в течение всего периода его содержания... [З]аявитель не имел доступа к библиотеке, радио или телевизору Центра для содержания иностранных граждан. Ему не выдавались никакие книги или газеты. Ему не разрешалось пользоваться мобильным телефоном... [Т]ип одиночного заключения, которому подвергся заявитель, без соответствующего психологического и физического стимулирования, вероятно, оказал вредное воздействие на него, что вылилось в ухудшение и умственных способностей и социальных навыков” (п. 77 постановления).

Суд также отметил, что “обоснования одиночного заключения заявителю не было предоставлено ни на внутригосударственном уровне, ни в Суде. Никогда не заявлялось, что на заявителя составлялся протокол о нарушении общественного порядка или о его буйном поведении, что он был в каком-либо отношении опасен, когда-либо угрожал или нападал на других заключенных или надзирателей или сам становился жертвой угроз или насилия” (п. 78 постановления).

Европейский Суд установил, что “в настоящем деле нет доказательств, что внутригосударственными органами власти когда-либо производилась оценка необходимости отделять заявителя от остального контингента места заключения, с учетом его личных обстоятельств, ситуации и поведения. По-видимому, не

выносилось официального решения о помещении заявителя в одиночное заключение, устанавливающего юридическую основу и причины применения такой меры или ее продолжительности... Заявитель находился, таким образом, в полном неведении о том, почему он был помещен в одиночное заключение и на какой период. Такое состояние неопределенности, вне всякого сомнения, увеличило степень его напряженности” (п. 79 постановления).

Суд пришел к выводу, что “заявитель был помещен в одиночное заключение без какой-либо объективной оценки по вопросу, была ли оспариваемая мера необходимой и соответствующей, или нет, а также в отсутствие процессуальных мер защиты, гарантирующих его благополучие и пропорциональность применяемой меры... [О]диночное заключение заявителя являлось бесчеловечным и унижающим достоинство обращением в нарушение статьи 3 Конвенции” (п. 81 постановления).

Заявитель, ссылаясь на ст. 3 Конвенции, также жаловался на условия его содержания в отделе внутренних дел.

Европейский Суд установил, что “заявитель содержался в камере для административно задержанных в отделе полиции в течение двух дней, несмотря на тот факт, что она была спроектирована для содержания под стражей сроком не более трех часов. По проекту камера не имела удобств для продолжительных периодов содержания. В камере не было туалета или раковины. Она была оборудована лишь скамьей, стула, стола и другой мебели в ней не было. Доступ к туалету был ограничен. Окно было закрыто металлическим листом, преграждающим доступ свежему воздуху и дневному свету” (п. 88 постановления).

Суд заключил, что “условия содержания под стражей в отделе полиции... унижали достоинство заявителя и причиняли ему расстройство и неудобства, степень которых превышала неизбежный уровень страдания, неотъемлемый от содержания под стражей” (п. 90 постановления).

В сфере социально-трудовых правоотношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин¹

Сообщение: Светлана Медведева против Российской Федерации. Сообщение № 60/2013. Мнение принято Комитетом 25 февраля 2016 г.

Правовые позиции Комитета. Пункты (d) и (f) ст. 2 Конвенции устанавливают обязательство государств-участников отменить или изменить дискриминационные законы и нормативные акты, воздерживаться от совершения каких-либо актов или действий, представляющих собой прямую или косвенную дискриминацию в отношении женщин, и обеспечить отмену любых законов, которые выливаются в дискриминацию или приводят к ее порождению². Комитет отмечает, что положения, касающиеся защиты лиц, работающих в опасных или трудных условиях, должны быть направлены на охрану здоровья и безопасности на

¹ Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее — Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее — Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

² См. Общую рекомендацию № 28, пп. 31 и 35.

рабочих местах как мужчин, так и женщин с учетом гендерных различий, обуславливающих наличие специфических рисков для здоровья. Далее Комитет отмечает, что ст. 253 Трудового кодекса и Постановление от 25 февраля 2000 г. № 162¹ запрещают применение труда женщин по 456 специальностям и в 38 областях профессиональной деятельности и что Комитет не получил никаких доказательств, свидетельствующих о том, что включение должности моториста-рулевого в перечень работ, при выполнении которых запрещается применение труда женщин, оправдано научными данными о вредном влиянии этого вида деятельности на репродуктивное здоровье женщины. Комитет принимает к сведению, что государство-участник ссылается на высокий уровень шума, однако не предоставляет никаких доказательств того, что такой уровень шума может неблагоприятно сказаться на репродуктивном здоровье женщины (п. 11.3 Мнения).

Комитет придерживается мнения, что введение такой законодательной нормы отражает стойкие стереотипы, касающиеся роли и обязанностей женщин и мужчин в семье и обществе, которые консервируют традиционные представления о женщине как жене и матери и подрывают ее социальный статус и перспективы образовательного и карьерного роста. Комитет напоминает о том, что в своих заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу государства-участника он выражал беспокойство существованием чрезмерно ограничительного списка специальностей и областей профессиональной деятельности, к которым женщины лишены доступа, и рекомендовал государству-участнику пересмотреть данный список, с тем чтобы он включал лишь ограничения, необходимые для охраны материнства в строгом смысле этого понятия, а также поощрять и упрощать трудоустройство женщин в ранее запрещенных областях профессиональной деятельности путем улучшения условий труда и принятия надлежащих временных специальных мер (CEDAW/C/RUS/CO/8, пп. 33—34). Комитет приходит к выводу о том, что вышеуказанные положения законодательства препятствуют исполнению государством-участником своих обязательств, предусмотренных пп. (d) и (f) ст. 2 Конвенции (п. 11.3 Мнения).

В соответствии с п. (c) ст. 2 Конвенции государства-участники должны обеспечить, чтобы суды в обязательном порядке применяли принцип равенства, закрепленный в Конвенции, а при толковании закона в максимально возможной степени исходили из обязательств государств-участников по Конвенции². Комитет напоминает, что п. (e) ст. 2 устанавливает обязательство государств-участников добиваться ликвидации дискриминации со стороны любого государственного или частного субъекта и требует от них установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами, обеспечить с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин от любого акта дискриминации и принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отно-

шении женщин со стороны какого-либо лица, организации или предприятия³ (п. 11.4 Мнения).

Пункт (1) (f) ст. 11 Конвенции должен рассматриваться вместе со ст.ст. 2 и 3 Конвенции. В соответствии с указанными положениями государство-участник обязуется обеспечить мужчинам и женщинам равные меры защиты репродуктивных функций и создать безопасные условия труда во всех областях профессиональной деятельности, вместо того чтобы вводить запреты на использование труда женщин на определенных видах работ и оставлять решение вопроса о создании безопасных условий труда на усмотрение работодателя. В тех случаях, когда государству-участнику нужно отклониться от описанного выше принципа, ему необходимо располагать серьезными медицинскими и социальными данными, свидетельствующими о необходимости обеспечения защиты беременности и материнства или иных гендерных факторов. Комитет отмечает, что принятие перечня из 456 специальностей и 38 отраслей противоречит обязательствам государства-участника согласно Конвенции, поскольку устанавливает разное обращение применительно к мужчинам и женщинам, никоим образом не способствует трудоустройству женщин и основано на дискриминационных стереотипах. Более того, процедура приема на работу, в рамках которой отдельные работодатели вправе по собственному усмотрению принимать решение о применении труда женщин на перечисленных работах при условии гарантии безопасности, не соответствует требованиям Конвенции, поскольку работодатель не обязан ни заниматься созданием безопасных условий труда, ни нанимать женщин даже в том случае, если они обладают самой высокой квалификацией среди претендентов на должность. Комитет далее отмечает, что существующий обширный перечень может влиять на порядок подбора персонала работодателем (п. 11.7 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению утверждение автора, что ее права в соответствии со ст. 1, пп. (c), (d), (e) и (f) ст. 2 и пп. (1) (b), (c) и (f) ст. 11 Конвенции были нарушены в связи с тем, что, во-первых, несмотря на то что она первоначально была отобрана для замещения должности моториста-рулевого, ей впоследствии было отказано в трудоустройстве по признаку пола на основании действия запрета, установленного ст. 253 Трудового кодекса и Постановлением № 162, и во-вторых, государство-участник не обязало работодателя принять разумные меры для изменения условий труда таким образом, чтобы сделать их пригодными для женщин. Комитет отмечает, что государство-участник не отрицает факта дифференцированного обращения по признаку пола, но утверждает, что такое обращение предписывается национальным законодательством и относится к специальным мерам, принимаемым для защиты женщин на определенных видах работ с учетом физиологических особенностей их организма, в том числе способности к деторождению, и следовательно, не может считаться дискриминационным. Государство-участник указывает, что отказ работодателя принять на работу женщину для выполнения работ, приведенных в перечне, не может считаться дискриминацией, если работодатель не создал безопасных условий

¹Постановление Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 162 “Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин”.

²См. там же, п. 33.

³См. там же, п. 36.

труда для выполнения этих работ, что подтверждается результатами специальной аттестации рабочих мест (п. 11.2 Мнения).

Комитет отмечает, что в рассматриваемом случае суды государства-участника признали законным отказ в приеме автора на работу в качестве моториста-рулевого, оставив без рассмотрения ее заявление о том, что данный отказ носил по отношению к ней дискриминационный характер и ущемлял ее интересы по признаку пола, и не нашли законных оснований обязать работодателя создать безопасные условия для трудоустройства женщин. Комитет считает, что суды государства-участника закрыли глаза на дискриминационные действия частной компании. В этих обстоятельствах Комитет считает, что государство-участник нарушило свои обязательства по пп. (с) и (е) ст. 2 Конвенции, рассматриваемым совместно со ст. 1 Конвенции, вследствие необеспечения применения на практике принципа равного обращения, предусмотренного Конвенцией и Конституцией, и эффективной защиты женщин от любых актов гендерной дискриминации¹ (п. 11.4 Мнения).

В отношении заявления автора о нарушении государством-участником ее прав по пп. (1) (b) и (с) ст. 11 Конвенции Комитет принимает во внимание ее доводы о том, что отказ от приема на работу в качестве моториста-рулевого и подтверждение этого решения судебными инстанциями де-факто означают для нее запрет на осуществление права на трудоустройство в соответствии с полученным образованием, поскольку специальность техника-судоводителя в любом случае автоматически подразумевает работу в условиях, которые определяются государством-участником как опасные для женщин. Комитет принимает во внимание, что государство-участник не сделало почти ничего для того, чтобы оспорить это утверждение. Комитет отмечает, что отказ в трудоустройстве ставит автора в положение, при котором она не может зарабатывать себе на жизнь по специальности, на которую училась, что имеет для нее неблагоприятные экономические последствия. Комитет приходит к выводу, что действующее законодательство не обеспечивает на основе равенства мужчин и женщин право на одинаковые возможности при найме на работу, в том числе применение одинаковых критериев отбора при найме. Комитет отмечает, что в рамках действующего законодательства автор не сможет получить равные возможности при найме на те должности, на которые она вправе претендовать в силу полученного образования, если работодатели не примут решение о создании безопасных условий труда; однако только сами работодатели могут принять решение о реализации дополнительных мер по созданию безопасных для женщин условий труда и пройти необходимую аттестацию. В свете вышеизложенного Комитет считает, что отказ автору в трудоустройстве на основании общего положения законодательства представляет нарушение ее прав на одинаковые возможности при найме и свободный выбор профессии и рода работы согласно пп. (1) (b) и (с) ст. 11 Конвенции, и следовательно, права автора, предусмотренные указанными положениями, были нарушены, а судебные органы государства-участника не приняли мер для устранения нарушения.

В отношении заявления автора о нарушении государством-участников ее прав по п. (1) (f) ст. 11 Конвенции Комитет принял к сведению довод государства участника, согласно которому перечень отраслей, профессий и должностей с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых ограничивается применение труда женщин, был утвержден в соответствии с процедурой, определенной Правительством, с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Он принял во внимание утверждение государства-участника о том, что психофизиологические особенности организма работников принимались во внимание при установлении конкретных ограничений на использование труда женщин и что указанные ограничения были введены в связи с необходимостью обеспечить женщинам особую защиту от вредных факторов производства, оказывающих неблагоприятное воздействие на женский организм, в частности на его репродуктивную функцию. Как утверждает государство-участник, при установлении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин, оно исходило из результатов аттестации условий труда и степени влияния данных условий на организм работающей женщины и его репродуктивную функцию. Комитет дополнительно принял к сведению объяснение государства-участника, что в соответствии с п. 1 примечаний к перечню работодатель может принимать решение о применении труда женщин на запрещенных работах при условии создания безопасных условий труда (п. 11.6 Мнения).

Комитет полагает, что ст. 253 Трудового кодекса и Постановление от 25 февраля 2000 г. № 162 в том виде, в котором они применялись в случае автора, не соответствуют обязательствам государства-участника по п. (1) (f) ст. 11 Конвенции. По мнению Комитета, отказ в трудоустройстве автора на основании вышеупомянутых положений законодательства является нарушением ее прав на здоровье и безопасные условия труда наравне с мужчинами согласно п. (1) (f) ст. 11 Конвенции (п. 11.7 Мнения).

Выводы Комитета. Государство-участник нарушило права автора, предусмотренные пп. (с), (d), (е) и (f) ст. 2 и пп. (1) (b), (с) и (f) ст. 11 Конвенции (п. 12 Мнения).

Комитет выносит в адрес государства-участника следующие рекомендации:

а) в отношении автора сообщения: возместить автору понесенный ущерб и выплатить надлежащую компенсацию, сопоставимую с серьезностью нарушения прав автора, и обеспечить ей доступ к работам, для выполнения которых она имеет соответствующую квалификацию.

б) в целом:

и) пересмотреть и внести изменения в ст. 253 Трудового кодекса и периодически пересматривать и вносить изменения в ограничительный перечень специальностей и отраслей, установленный Постановлением № 162, с тем чтобы он включал лишь ограничения, необходимые для охраны материнства в строгом смысле этого понятия и создания особых условий для беременных женщин и кормящих матерей, и не затруднял доступ женщин к видам занятости и получению вознаграждения в силу гендерных стереотипов;

¹См. сообщение № 28/2010, *Р.К.Б. против Турции*, Сообщения, принятые 24 февраля 2012 г., п. 8.6.

ii) после сокращения ограничительного списка специальностей и отраслей поощрять и упрощать трудоустройство женщин в ранее запрещенных областях профессиональной деятельности путем улучшения условий труда и принятия надлежащих временных специальных мер (п. 13 Мнения).

Сообщение: *В.С. против Словакии*. Сообщение № 56/2014. Мнение принято Комитетом 4 декабря 2015 г.

Тема сообщения: дискриминация в сфере доступа к занятости.

Вопрос существа: дискриминация по признаку национального или этнического происхождения.

Правовая позиция Комитета. Комитет напоминает о том, что в его компетенцию не входит оценка толкования национальными органами фактов и национального законодательства, за исключением случаев, когда принятые решения являются явно произвольными или иным образом равносильны отказу в правосудии (п. 7.4 Мнения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Основной стоящий перед Комитетом вопрос заключается в том, выполнило ли государство-участник свои обязательства принять эффективные меры в ответ на утверждения заявителя о том, что она подверглась дискриминации по признаку принадлежности к народности рома, пытаясь получить доступ к трудоустройству в государственной школе, и обеспечило ли государство-участник через свои национальные суды и другие учреждения эффективную защиту и представление ей эффективных средств правовой защиты от предполагаемой расовой дискриминации, включая адекватную компенсацию или возмещение причиненного вреда (п. 7.2 Мнения).

Нарушение подп. i) п. е) ст. 5 Конвенции

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что она подверглась расовой дискриминации в контексте процесса найма на работу, проведенного одной из государственных начальных школ города Ревуца. Комитет принимает к сведению представленную государством-участником информацию о том, что доводы в пользу предполагаемой дискриминации заявителя не получили заслуживающего доверия обоснования при рассмотрении в соответствующих внутренних административных и судебных органах. Хотя государство-участник и признает, что заявитель понесла ущерб и оказалась в невыгодном положении, оно утверждает, что причинно-следственной связи между различным обращением и обусловленным им неблагоприятным положением установлено не было. Комитет отмечает заявление Министерства образования от 2 февраля 2010 г., согласно которому отсутствие фондов не является веским основанием для предпочтения соискателя со средним школьным образованием по отношению к соискателю с университетским дипломом и что работодатель должен стремиться к найму квалифицированных соискателей, а неквалифицированных кандидатов следует нанимать на работу лишь в исключительных случаях¹. Комитет принимает также к сведению вывод Центра равенства о том, что случай заявителя можно приравнять к нарушению принципа равного обращения, поскольку на работу был принят неквалифицированный кандидат, а

также рекомендацию данного Центра о том, чтобы директор школы соблюдал антидискриминационное законодательство. Комитет отмечает, что категорией для сравнения, которая принималась во внимание государством-участником для установления различия в обращении, являются другие соискатели должности, которые не были выбраны, а не лицо, получившее работу, а также заявление государства-участника о том, что отбор основывался на том обстоятельстве, что отобранное лицо было известно директору школы. Комитет считает, что государство-участник не может отрицать свою ответственность, поскольку директор государственной школы, которая, хотя и является отдельным юридическим лицом, отвечает за подбор школьного персонала в рамках обеспечения государственной гражданской службы. Комитет отмечает, что государство-участник не ответило надлежащим образом на утверждения заявителя в этой связи и не представило убедительных аргументов в обоснование отклонения обращения с заявителем при отклонении ее заявки на получение работы. Учитывая, что в рассматриваемом деле предпочтение, которое было отдано выбору кандидата, являвшегося не имевшим необходимой квалификации помощником продавца, на должность помощника преподавателя, не может быть объяснено ее профессиональной компетенцией² или отсутствием фондов, Комитет приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении права заявителя на труд без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения в нарушение обязательства государства-участника обеспечить равноправие в отношении права на труд, как это предусмотрено в подп. i) п. е) ст. 5 Конвенции (п. 7.3 Мнения).

Нарушение ст. 6 (в совокупности со ст. 2) Конвенции

Комитету надлежит рассмотреть вопрос о том, была ли заявитель в результате решений национальных судов лишена своего права на эффективную защиту и эффективное средство правовой защиты от расовой дискриминации. Комитет отмечает, что в период с 2009 по 2013 год заявитель доводила убедительные факты расовой дискриминации до внимания Центра равенства, Министерства образования, науки, научных исследований и спорта, а также обычных и чрезвычайных внутренних судов. В этом контексте заявитель просила, чтобы на основании положения о переносе бремени доказывания начальная школа в Ревуце в качестве ответчика обосновала тот факт, что она не подвергала заявителя дискриминации по признаку ее принадлежности к народности рома. Она, в частности, просила начальную школу представить разумные и убедительные аргументы, объясняющие, почему школа отказалась рассматривать ее заявление на должность преподавателя и отклонила ее заявление на должность помощника преподавателя, в то время как на появившуюся позднее должность было принято лицо, обладавшее меньшей квалификацией по сравнению с заявителем. Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что окружной и областной суды неверно оценили факты и доказательства, представленные начальной школой, поскольку ее ситуация не рассматривалась в сравнении с ситуацией соискателя, не

¹См. постановление Окружного суда города Ревуца от 28 марта 2011 г., стр. 3, абз. 1.

²См. постановление Окружного суда города Ревуца от 28 марта 2011 г., стр. 3, последний абзац, в котором указано, что успешным соискателем стал помощник продавца.

принадлежавшего к народности рома, который был отобран на ту должность, на которую она подавала заявку. Комитет также принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в своем решении от 27 ноября 2012 г. областной суд обязал ее доказать наличие у школы намерения подвергнуть ее дискриминации, хотя от нее не должны были требовать сделать это в соответствии с положением о переносе бремени доказывания, предусмотренном в Антидискриминационном законе¹. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что применение антидискриминационного законодательства, и в частности положения о переносе бремени доказывания, представляет собой определенную проблему для обычных национальных судов, которым надлежит применять его эффективно; а также о том, что судам следует применять более тщательный подход к положению о переносе бремени доказывания, в том числе в связи с настоящим делом. Комитет считает, что требование судов о том, чтобы заявитель доказала дискриминационные намерения, противоречит предусмотренному Конвенцией запрещению поведения, имеющего дискриминационные последствия, в том числе и в отношении процедуры перехода бремени доказывания, установленной государством-участником. Поскольку государство-участник ввело такую процедуру, то неспособность применить ее должным образом является нарушением права заявителя на эффективное средство правовой защиты, включая надлежащую компенсацию и возмещение причиненного вреда. Поэтому Комитет считает, что права заявителя в соответствии с подп. а) и с) п. 1 ст. 2 и со ст. 6 Конвенции были нарушены² (п. 7.4 Мнения).

Вывод Комитета: факты свидетельствуют о нарушении государством-участником подп. а) и с) п. 1 ст. 2 и подп. i) п. е) ст. 5 и ст. 6 Конвенции (п. 8 Мнения).

В сфере семейных правоотношений

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по делу “Назаренко против России”, жалоба № 39438/13 (вынесено 16 июля 2015 г., стало окончательным 16 октября 2015 г.).

Заявитель утверждал, ссылаясь на ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что лишение его отцовства нарушило его право на общение с дочерью и право на защиту ее интересов в суде.

Власти утверждали, что в ходе проведения генетического теста на установление отцовства было установлено, что заявитель не является биологическим отцом ребенка.

Власти также утверждали, что в соответствии с российским законодательством правом поддерживать контакт с ребенком обладают только близкие родственники (родители, бабушки и дедушки, прадедушки, братья и сестры, дяди, тети и двоюродные братья). Принимая во внимание тот факт, что заявитель был лишен права на отцовство, в соответствии с национальным законодательством он не вправе поддерживать контакт с ребенком (пп. 49, 51 постановления).

¹См. сообщение № 40/2007, *Эр против Дании*. Мнение, принятое 8 августа 2007 г., п. 7.2, в котором Комитет подтвердил свою компетенцию рассматривать факты и толкование национального законодательства в тех случаях, когда принятое решение является произвольным или иным образом равносильно отказу в правосудии.

²См. п. 12 (2) ст. 12 Закона.

Европейский Суд подчеркнул, что “...отношения между приемными родителями и приемным ребенком, которые живут вместе на протяжении многих месяцев, представляют собой семейную жизнь по смыслу пункта 1 статьи 8 Конвенции, несмотря на отсутствие биологического родства между ними” (п. 57 постановления).

Суд установил, что “...[дочь заявителей] родилась во время брака заявителя с Н. и была зарегистрирована в качестве его дочери. Не имея никаких сомнений по поводу своего отцовства в отношении [дочери], заявитель воспитывал ее и ухаживал за ней на протяжении более пяти лет. Как было установлено органом опеки и попечительства и экспертами-психологами, между заявителем и [дочерью] существовала тесная эмоциональная связь... Принимая во внимание тот факт, что в течение многих лет (пока в конечном итоге не выяснилось, что заявитель не является биологическим отцом [дочери]) заявитель и [дочь] считали себя отцом и дочерью, а также принимая во внимание тесную личную связь между ними, Суд считает, что их отношения представляли собой семейную жизнь по смыслу пункта 1 статьи 8 Конвенции” (п. 58 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...по тем делам, по которым было установлено наличие семейной связи, государство в принципе должно действовать таким образом, чтобы всячески способствовать поддержанию этой связи. Право родителей и детей на взаимное общение друг с другом является основополагающим элементом семейной жизни и предпринимаемые на национальном уровне меры, препятствующие такому общению, представляют собой вмешательство в право, гарантированное статьей 8 Конвенции” (п. 60 постановления).

Суд подчеркнул, что “...статья 8 включает в себя право родителей на реализацию мер, направленных на воссоединение с ребенком, и обязательство по принятию таких мер, возлагаемое на национальные власти. Это также относится и к таким делам, в рамках которых споры о порядке общения с детьми или их месте жительства возникают между родителями и/или другими членами семьи ребенка” (п. 62 постановления).

Европейский Суд установил, что “...заявитель был лишен отцовства в отношении [дочери], а его имя было вычеркнуто из свидетельства о рождении после того, как был установлен тот факт, что он не является ее биологическим отцом. В результате заявитель утратил все родительские права в отношении [дочери], включая право на общение с ней. Действительно, Семейный кодекс Российской Федерации предусматривает, что право на общение с ребенком имеют только дедушки, бабушки, братья, сестры и другие родственники... [3]заявитель не имеет права поддерживать контакт с [дочерью], поскольку больше не считается ее родителем и не является иным родственником... [В] соответствии с действующим внутригосударственным законодательством попытка обращения в суд с иском об определении порядка общения с ребенком была изначально обречена на провал” (п. 64 постановления).

Суд отметил, что он обеспокоен “...негибкостью российских юридических положений, регулирующих право на общение. Они устанавливают исчерпывающий перечень лиц, которые имеют право поддерживать контакт с ребенком, без каких-либо исключений, которые принимали бы во внимание разнообразие семейных ситуаций и наилучшие интересы ребенка. В результате этого лицо, которое, как заявитель, не приходится ребенку родственником, но заботилось о нем в течение продолжительного периода времени и установило с ним тесные личные связи, не может получить право на об-

шение ни при каких обстоятельствах, вне зависимости от наилучших интересов ребенка” (п. 65 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что он не убежден, что “...наилучшие интересы детей в области права на общение действительно могут определяться общеправовым предположением... [С]праведливое соотношение прав всех заинтересованных лиц требует изучения конкретных обстоятельств дела... Соответственно, ст. 8 Конвенции может толковаться как налагающая на государства-члены обязательство рассмотрения в индивидуальном порядке вопроса о том, будет ли поддержание контакта в интересах ребенка, независимо от того, является ли соответствующее лицо, заботившееся о нем в течение достаточно длительного периода времени, биологическим родственником данного ребенка или нет” (п. 66 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...в результате применения внутригосударственного законодательства заявитель был полностью и автоматически исключен из жизни [дочери] после лишения его отцовства... [Л]ицо, которое какое-то время занималось воспитанием ребенка как своего собственного, не должно полностью исключаться из жизни ребенка после того, как был установлен тот факт, что оно не является его биологическим отцом, за исключением случаев, когда на это имеются соответствующие обоснования, связанные с соблюдением наилучших интересов ребенка. Никаких подобных обоснований по настоящему делу предложено не было. Никаких предположений о том, что общение с заявителем может иметь пагубные последствия для развития [дочери], никогда не возникало. Напротив, органом опеки и попечительства и экспертами-психологами был установлен тот факт, что между заявителем и [дочерью] существует тесная эмоциональная связь, и что заявитель хорошо заботился о девочке... [П]олное и автоматическое исключение заявителя из жизни [дочери] после лишения его отцовства по причине негибкости внутригосударственных правовых положений — в частности, отрицания права на общение без надлежащего рассмотрения интересов [дочери] — представляло собой нарушение права заявителя на семейную жизнь” (пп. 67—68 постановления).

В сфере гражданско-процессуальных отношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам¹

Сообщение: И.Д.Г. против Испании. Сообщение № 2/2014. Сообщение принято Комитетом 17 июня 2015 г.

Тема сообщения: меры по обеспечению полной реализации права на достаточное жилище.

Правовые позиции Комитета. Право человека на достаточное жилище является основополагающим правом, которое представляет собой ос-

нову для пользования всеми экономическими, социальными и культурными правами² и всецело связано с другими правами человека, включая те из них, которые изложены в Международном пакте о гражданских и политических правах³. Право на жилище должно обеспечиваться всем, вне зависимости от уровня дохода или доступа к экономическим ресурсам⁴, и государства-участники обязаны принимать все необходимые меры, с тем чтобы обеспечить полную реализацию этого права⁵. Многие элементы права на достаточное жилище тесно связаны с наличием надлежащих внутренних средств юридической защиты в целях обеспечения эффективного осуществления этого права⁶ (п. 11.1 Соображения).

Все лица должны пользоваться определенной степенью обеспечения проживания, которая гарантирует правовую защиту от принудительного выселения, преследования и других угроз⁷, и что принудительные выселения, будучи *prima facie* несовместимыми с требованиями Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, могут быть оправданными лишь в самых исключительных обстоятельствах согласно соответствующим принципам международного права⁸. Комитет считает, что в рамках процессов принудительного выселения или процессов, в которых может быть затронуто обеспечение проживания и которые могут в конечном итоге привести к выселению, государствам-участникам следует обеспечить соблюдение надлежащих процессуальных норм, с тем чтобы, в частности, все заинтересованные лица получили реальную возможность проведения консультаций, а также заблаговременное уведомление этих лиц в достаточные и разумные сроки до установленной даты выселения⁹ (п. 11.2 Соображения).

Статья 2 Пакта налагает целый ряд обязательств, имеющих безотлагательный характер¹⁰. Таким образом, в соответствии с п. 1 ст. 2 Пакта государства-участники обязаны принимать меры для осуществления признаваемых в Пакте прав “всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер”. Это требование включает в себя принятие мер, обеспечивающих доступ к эффективным средствам судебной защиты в отношении прав, признанных в Пакте, поскольку, как отметил Комитет в своем Замечании общего порядка № 9, каждое право предполагает наличие средства его защиты¹¹ (п. 11.3 Соображения).

В соответствии с обязательством, содержащимся в п. 1 ст. 2 Пакта, государства-участники обязаны обеспечить лицам, чье право на достаточное жилище могло быть затронуто, например в связи с принудительным выселением или обра-

²См. п. 1 Замечания общего порядка № 4 (1992 год) Комитета в отношении права на достаточное жилище (п. 1 ст. 11 Пакта).

³Там же, пп. 7 и 9.

⁴Там же, п. 7.

⁵Там же, п. 12.

⁶Там же, п. 17.

⁷Там же, п. 8 а).

⁸См. там же, п. 18, и Замечание общего порядка № 7 (1997 год) Комитета о праве на достаточное жилище (п. 1 ст. 11 Пакта): принудительные выселения, п. 1.

⁹См. Замечание общего порядка № 7 Комитета, п. 15.

¹⁰См. п. 1 Замечания общего порядка № 3 (1991 год) Комитета о природе обязательств государств-участников (п. 1 ст. 2 Пакта).

¹¹См. п. 2 Замечания общего порядка № 9 (1998 год) Комитета о применении Пакта во внутреннем праве.

шением взыскания по ипотечному кредиту, эффективное и надлежащее средство судебной защиты¹ (п. 11.4 Соображения).

В соответствии с его Замечанием общего порядка № 7 надлежащая процедурная защита и надлежащее судебное разбирательство являются важными аспектами всех прав человека и приобретают особенно важное значение в случаях принудительных выселений; и что эти процедурные гарантии защиты включают в себя, среди прочего, надлежащее и обоснованное уведомление государством-участником всех затрагиваемых лиц до установленной даты выселения и обеспечение этим лицам средств правовой защиты². Комитет считает, что такие средства защиты подходят и для других аналогичных случаев, например, как обращение взыскания по ипотечному кредиту, когда право на жилище может серьезно пострадать (п. 12.1 Соображения).

Комитет считает, что во исполнение вышеупомянутых обязательств власти обязаны предпринять все разумные шаги и усилия, направленные на обеспечение того, чтобы уведомления о наиболее важных решениях и постановлениях суда в рамках административного или судебного производства осуществлялись надлежащим и эффективным образом, с тем чтобы затрагиваемые лица могли отстаивать в рамках соответствующего процесса свои права (п. 12.2 Соображения).

Уведомление посредством публикации приказа может быть надлежащим средством судебного уведомления в соответствии с правом на эффективную судебную защиту; однако Комитет считает, что его применение в случаях, связанных с возможным нарушением таких прав человека, как право на достаточное жилище, которые требуют судебного надзора, должно быть крайней мерой, особенно в отношении действий, инициирующих соответствующее производство. Его применение должно быть строго ограничено случаями, когда были исчерпаны все возможности осуществления личного уведомления; и оно должно предусматривать обеспечение достаточной и заблаговременной огласки, с тем чтобы соответствующее лицо получило реальную возможность узнать о начале процесса и принять в нем участие (п. 12.3 Соображения).

Ненадлежащее уведомление об обращении взыскания по ипотечному кредиту, препятствующее защите соответствующим лицом своих прав, представляет собой нарушение права на жилище (п. 12.4 Соображения).

При рассмотрении сообщений в задачи Комитета не входит проверка того, действительно ли внутренние судебные и административные процедуры соответствовали национальному законодательству. Работа Комитета ограничивается анализом того, представляют ли доказанные факты сообщения нарушение государством-участником экономических, социальных и культурных прав, закрепленных в Пакте. Исходя из этого, Комитет считает, что в каждом конкретном случае ответственность за оценку фактов и доказательств или за применение внутреннего законодательства лежит прежде всего на судах государств-участников и что эти аспекты значимы, только если представляется очевидным, что оценка соответствующих доказательств или применение внутреннего права носят явно произ-

вольный характер или равносильны отказу в правосудии, что предполагает нарушение признанного в Пакте права (п. 13.1 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Автор утверждает, что в связи с рядом невыплат по ее ипотечному кредиту, взятому для покупки жилья, где она проживает, в 2012 году кредитная организация начала процедуру взыскания по этому кредиту, о чем автор не была надлежащим образом уведомлена, так как она узнала об этом взыскании только после того, как был издан приказ о выставлении ее жилья на аукцион. В результате автор считает, что на деле она не получила доступа к эффективной и своевременной судебной защите, что помешало ей оспорить в судебном порядке этот иск и защитить свое право на жилище в суде, в связи с чем она до сих пор находится в состоянии беспомощности, неопределенности и тревоги (п. 10.2 Соображения).

Государство-участник утверждает, что в своей апелляции автор сослалась на другой адрес, принадлежащий членам ее семьи, в связи с чем вышеупомянутое жилище не является постоянным местом ее жительства; что суд № 31 направлял автору уведомления о принятии к исполнению производству этого взыскания в соответствии с законом по адресу, который сама автор указала в нотариально заверенном договоре ипотечного кредитования; что только после ряда безуспешных попыток личного уведомления автора суд № 31 приказал осуществить уведомление путем публикации приказа в соответствии с п. 3 ст. 686 ГПК³; и что уведомление посредством публикации судебного приказа соответствует требованиям права на эффективную судебную защиту. Кроме того, государство утверждает, что автор якобы добровольно отказалась от получения уведомления о соответствующем взыскании и решении суда № 31 о возбуждении исполнительного производства, как обозначено в уведомлении от 28 сентября 2012 г. Наконец, государство-участник сообщило Комитету, что выселение, взыскание или продажа заложенного жилья в любом случае осуществлены не были, так как автор представила обычное средство правовой защиты, на основании которого исполнительное производство было приостановлено, т.е. автор по-прежнему проживает в этом жилище и ее права не были ущемлены (п. 10.3 Соображения).

Что касается характера заложенного жилья, которое является предметом настоящего сообщения, то Комитет принимает к сведению разъяснения автора о том, что под другим адресом, принадлежащим членам ее семьи, упомянутым ею в рамках исполнительного производства, она имела в виду жилье одного из членов ее семьи, в то время как она проживает в жилье, о котором идет речь; и что она не является собственником какого-либо другого жилья. Представленная автором документация, которая не оспаривалась государством-участником, подтверждает ее утверждения. Представленная на рассмотрение Комитету документация свидетельствует о том, что жилище, о котором идет речь, является постоянным местом жительства автора и что она не является собственником какого-либо другого жилья. Таким образом, в свете документов настоящего дела, а также информации, полученной от сторон, Комитет рассматривает жилье, о котором идет речь, в качестве постоянного места жительства автора (п. 10.4 Соображения).

¹См. п. 5 Замечания общего порядка № 3 Комитета; пп. 9, 11 и 15 Замечания общего порядка № 7; п. 2 Замечания общего порядка № 9.

²См. п. 15 Замечания общего порядка № 7 Комитета.

³Гражданский процессуальный кодекс Испании.

Что касается отсутствия автора 28 сентября 2012 г., когда было произведено уведомление о подаче иска кредитной организации и о решении суда № 31 о принятии его к производству, то Комитет отмечает, что ни экземпляр уведомления Главного управления судебных извещений и правоприменительных процедур города Мадрида от 28 сентября 2012 г., представленный автором, ни какой-либо любой другой документ не указывают на то, что автор находилась в постоянном месте своего жительства и отказалась получить уведомление, сделанное по приказу суда № 31 (п. 10.5 Соображения).

В свете выводов Комитета относительно фактов, относящихся к данному делу, главный юридический вопрос, связанный с настоящим сообщением, заключается в следующем: было ли нарушено право автора на жилище, закрепленное в п. 1 ст. 11 Пакта, вследствие возбуждения государством-участником исполнительного производства по обращению взыскания по ипотечному кредиту, о чем, как утверждает автор, она не была должным образом уведомлена, что помешало ей защитить свои права, признанные в Пакте (п. 10.6 Соображения).

Согласно документам настоящего дела 21 июня 2012 г. суд № 31 возбудил исполнительное производство по обращению взыскания на заложенную недвижимость автора. Однако автор узнала об этом лишь 4 апреля 2013 г., когда она получила уведомление о приказе выставить на аукцион ее недвижимость, не имея при этом возможности защитить свои права во время исполнительного производства. В сентябре и октябре 2012 г. были предприняты четыре безуспешные попытки уведомления о решении суда № 31 о принятии иска к производству, так как автор отсутствовала по месту своего жительства, адрес которого был указан ею для направления уведомлений. Судебный пристав подтвердил, что в соответствующем здании на почтовом ящике значилось ее имя и что по крайней мере дважды там присутствовал консьерж, о чем была сделана пометка в документах Главного управления судебных извещений и правоприменительных процедур города Мадрида, что, соответственно, принял или должен был принять к сведению суд № 31. 30 октября 2012 г. суд № 31 дал разрешение на публикацию своего приказа на доске объявлений в целях осуществления уведомления, которое не было своевременно доведено до сведения автора (п. 13.2 Соображения).

Комитет отдаст должное неоднократным усилиям суда № 31, направленным на осуществление личного уведомления автора о решении суда о принятии к производству дела об обращении взыскания на ее заложенную недвижимость. Однако Комитет считает, что государство-участник не доказало, что суд № 31 исчерпал все имеющиеся средства осуществления личного уведомления (например, не объяснило причины, по которым суд № 31 не уведомил автора, оставив записку или извещение в ее почтовом ящике, или любым другим способом, предусмотренным в ГПК, таким как вручение уведомления консьержу или соседу из ближайшей квартиры), и ограничилось указанием того, что после неудачных попыток уведомить автора уведомление в соответствии с законом было осуществлено путем публикации приказа. Помимо этого государство не представило какого-либо серьезного обоснования своего утверждения о том, что при одной из попыток уведомления автор якобы спрята-

лась, чтобы уведомление не было вручено ей лично. Таким образом, Комитет считает, что, даже если можно сделать вывод, что уведомление автора путем публикации приказа соответствует ГПК, такое уведомление об обращении взыскания на заложенное имущество должно в любом случае быть надлежащим в соответствии с нормами Пакта, касающимися права на жилище, которые в данном случае не были соблюдены, т.е. уведомление было ненадлежащим (п. 13.3 Соображения).

Это нарушение в процедуре уведомления не означало бы нарушения права на жилище, если бы оно не имело существенных последствий для защиты автором права на эффективное использование своего жилища, например в случае, если бы соответствующее лицо могло прибегнуть к другому надлежащему процедурному механизму защиты своих прав и интересов. Позиция государства-участника представляется именно такой, поскольку оно утверждает, не приводя серьезных обоснований, что утрата автором возможности участвовать в исполнительном производстве не имеет серьезных последствий, так как в любом случае доступные должнику возможности защиты в ходе исполнительного производства с юридической точки зрения весьма ограничены, но он, в свою очередь, имеет в своем распоряжении вариант ординарного производства, позволяющего ему оспаривать выплату ипотечного кредита без каких-либо ограничений; и что автор представила письменное заявление в соответствии с п. 3 ст. 695 ГПК, сославшись на неправомерность ряда положений договора ипотечного кредитования, и ей даже удалось добиться приостановления исполнительного производства и продажи своего жилья, поскольку, в силу недавнего решения Европейского Суда, эти обычные средства защиты позволяют, в том числе, приостановить обращение взыскания на заложенное имущество и его продажу (п. 13.4 Соображения).

В контексте настоящего сообщения в силу специфики поднятого автором вопроса о ненадлежащем уведомлении в задачи Комитета не входит общее рассмотрение того, соответствуют ли внутренние нормы государства-участника, регулирующие процессы обращения взыскания на заложенную недвижимость (в частности, дом или квартиру) и ее последующей продажи, праву на жилище. Комитет в данном случае ограничивается рассмотрением вопроса о том, было ли в силу уже установленного ненадлежащего уведомления автора существенно затронуто ее право на защиту, что означало бы нарушение права на жилище (п. 13.5 Соображения).

Согласно действующему на момент этих событий ГПК должник в рамках процедуры исполнения судебного решения может оспорить проведение аукциона на весьма ограниченных основаниях, таких как погашение ипотечного залога или соответствующего обязательства. В рамках этого процесса он не может оспаривать, например, неправомерные положения договора. Напротив, ординарное производство обеспечивает должнику широкие и открытые основания для оспаривания соответствующего кредита. В таком случае можно утверждать, что неявка на исполнительное производство необязательно является особо серьезным обстоятельством, поскольку для отстаивания своих прав должник в любом случае имеет в своем распоряжении вариант ординарного производства. Но для того, чтобы это положение имело под собой основа-

ния, ординарное производство должно давать возможность приостановить исполнительное производство и выставление на аукцион соответствующего объекта недвижимости, поскольку в противном случае защиты при помощи ординарного производства будет недостаточно для обеспечения права на жилище, так как соответствующее лицо не сможет воспрепятствовать продаже своей недвижимости; у него будет возможность получить в конечном итоге лишь компенсацию или возврат имущества в случае, если это возможно. Комитет считает, что ненадлежащее уведомление автора имело место 30 октября 2012 г., когда суд № 31 опубликовал соответствующий приказ. Государство-участник, должно быть, ссылается на решение Европейского Суда по делу № С-415/11, *Мохамед Азиз против Каталуньякайша*, от 14 марта 2013 г., принятое через несколько месяцев после этого ненадлежащего уведомления. Итак, исходя из этого решения, очевидно, что до того момента деклараторные иски не позволяли приостановить процедуру обращения взыскания на заложенное имущество. Таким образом, автор была лишена возможности защитить свои интересы в ходе исполнительного производства для того, чтобы в конечном итоге не допустить проведения аукциона, причем на момент ненадлежащего уведомления ординарное производство не могло даже рассматриваться как адекватный возможный альтернативный механизм, так как оно не давало возможности приостановить исполнительное производство (п. 13.6 Соображения).

Комитет считает, что это ненадлежащее уведомление в тот момент являлось нарушением права на жилище, которое впоследствии не было исправлено государством-участником, так как автору было отказано как в отмене судебного решения о проведении аукциона, так и в процедуре ампаро, по которой она обратилась в Конституционный суд (п. 13.7 Соображения).

Принимая во внимание все представленные материалы, Комитет считает, что факты, которыми он располагает, свидетельствуют о том, что суд № 31 не принял все разумные меры для того, чтобы надлежащим образом уведомить автора об иске кредитной организации об обращении взыскания на заложенное имущество, с тем чтобы убедиться в том, что она действительно проинформирована о начале производства по этому делу, и, как следствие, суд № 31 лишил автора возможности должным образом защитить в судебном порядке свое право на жилище (п. 14 Соображения).

Вывод Комитета: в силу невыполнения своего обязательства обеспечить автору эффективное средство правовой защиты государство-участник нарушило права автора в соответствии с п. 1 ст. 11 Пакта, рассматриваемым в совокупности с п. 1 ст. 2 Пакта.

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по делу “Николай Козлов против России”, жалоба № 7531/05 (вынесено 16 июля 2015 г., стало окончательным 16 октября 2015 г.).

Заявитель, ссылаясь на п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция), жаловался на то, что он был лишен доступа к правосудию, поскольку суды отказались рассматривать его иск о возмещении ущерба в связи с предполагаемой чрезмерной продолжительностью судебного разбирательства против городского суда.

Европейский Суд установил, что “...заявитель требовал компенсации ущерба, причиненного в результате предполагаемой чрезмерной длительности гражданского судопроизводства по его делу. Национальные суды отказались принимать иски о возмещении ущерба к рассмотрению не по причине судебного иммунитета от ответственности за действия, осуществляемые в профессиональном качестве в ходе отправления правосудия... а на том основании, что законодательным органом не было определено, под чью именно юрисдикцию подпадали требования, касающиеся судебных решений, выходящих за рамки определения “отправление правосудия” (п. 24 постановления).

Европейский Суд обратился к практике Конституционного Суда РФ¹, согласно которой “...ответственность государства за ущерб, причиненный в результате любых нарушений права стороны гражданского процесса на справедливое разбирательство, включая нарушения гарантии рассмотрения дела в разумный срок, возникает даже в том случае, если вина судьи будет установлена в рамках гражданского, а не уголовного судопроизводства, и что право на возмещение государством ущерба не должно быть связано с личной виной судьи... Гражданин должен иметь возможность получить возмещение любого ущерба, причиненного в результате нарушения судом его права на справедливое судебное разбирательство по смыслу статьи 6 Конвенции” (п. 24 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...заявителю было отказано в праве на доступ к суду, и в связи с этим по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции” (п. 27 постановления).

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Практика международных договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: Дэвид Хикс против Австралии. Сообщение № 1909/2009. Соображение принято Комитетом 5 ноября 2015 г.

Тема сообщения: ответственность государства-участника за исполнение приговора, вынесенного в иностранном государстве.

Вопрос существа: ретроактивное наказание, пытки, произвольное содержание под стражей, условия содержания под стражей, несправедливое судебное разбирательство, недискриминация, право на неприкосновенность частной жизни.

Правовые позиции Комитета. Согласно Пакту государства-участники не обязаны исполнять приговор, когда имеется достаточно доказательств того, что он был вынесен в результате судебного разбирательства, в котором явно нарушались права обвиняемого (п. 4.9 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. На стадии рассмотрения вопроса о приемлемости Комитет принял решение о том, что вопрос о юрисдикции государства-участника тесно связан с существом дела и должен быть рассмотрен на этой стадии. Поэтому Комитет должен выяснить, осуществляло ли государство-участник в какой-либо момент власть или эффективный контроль над автором, и, таким образом, находился ли автор под его юрисдикцией (п. 4.2 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что: а) государство-участник вело прямые переговоры с Соединенными Штатами относительно стандартов судопроизводства

¹Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П.

ва, которые будут применяться к автору; б) государство-участник сделало различные представления правительству Соединенных Штатов, стремясь улучшить защиту автора и добиться освобождения другого австралийца, содержащегося под стражей в заливе Гуантанамо; в) автора 21 раз посещали австралийские должностные лица и сотрудники полиции, когда он находился под стражей под контролем Соединенных Штатов, и австралийские агенты беседовали с ним для сбора информации, которая позже использовалась против него в ходе вынесения приказа об ограничении свободы в австралийских судах; г) Австралия знала условия соглашения о признании вины, заключенного со стороны обвиняемого, которое требовало от автора сотрудничества с австралийскими властями и содержало другие положения в пользу Австралии; д) автор сообщил об общении с ним австралийских должностных лиц, которые беседовали с ним, а Австралия просила власти Соединенных Штатов провести расследование его утверждений (п. 4.3 Соображения).

На основе этих фактов, которые государство-участник не оспорило, можно предположить, что государство-участник имело некоторое влияние на то, как Соединенные Штаты обращались с автором, и было в состоянии принять позитивные меры для обеспечения того, чтобы с автором обращались в соответствии с Пактом, в том числе меры, направленные на исправление нарушений прав автора (п. 4.4 Соображения).

Тем не менее влияние, которым располагало государство-участник, не может рассматриваться как осуществление власти или эффективный контроль над автором, который содержался под стражей на территории, контролируемой Соединенными Штатами, не находящейся под суверенитетом или юрисдикцией государства-участника (п. 4.5 Соображения).

В течение всего времени, которое автор провел под стражей под контролем Соединенных Штатов, автор не может рассматриваться как находившийся под “юрисдикцией” государства-участника по смыслу ст. 1 Факультативного протокола и п. 1 ст. 2 Пакта. В результате Комитет имеет основания *ratione loci* не выносить своего мнения в связи с утверждениями автора по ст.ст. 2 и 7 Пакта, которые касаются обращения с ним тогда, когда он находился под стражей в распоряжении Соединенных Штатов (п. 4.6 Соображения).

б) Предполагаемая ответственность Австралии в отношении обеспечения исполнения приговора к тюремному заключению в рамках соглашения о передаче.

В результате соглашения о передаче автор был переведен в Австралию 20 мая 2007 г., чтобы отбыть оставшуюся часть приговора, вынесенного ему Военной комиссией Соединенных Штатов 31 марта 2007 г. На рассмотрении Комитета находится вопрос о том, нарушило ли государство-участник, оставляя автора в тюрьме до 29 декабря 2007 г. в результате этого соглашения, права автора по п. 1 ст. 9 Пакта (п. 4.7 Соображения).

К моменту передачи автора общественно доступным был большой объем информации, вызывавшей серьезную озабоченность в отношении справедливости процедур Военной комиссии Соединенных Штатов, и это должно было быть достаточно, чтобы у австралийских властей появились сомнения относительно законности и легитимности приговора, вынесенного автору. Мно-

гие из этих озабоченностей были выражены Комитетом в его заключительных замечаниях по второму и третьему периодическим докладам Соединенных Штатов, принятых 27 июля 2006 г. (CCPR/C/USA/C/3/Rev.1), и Комитетом против пыток в его заключительных замечаниях по второму периодическому докладу Соединенных Штатов Америки, принятых в мае 2006 г. (CAT/C/USA/CO/2). Хотя это и произошло после предполагаемых фактов, решение Надзорного суда Военной комиссии Соединенных Штатов от 18 февраля 2015 г., вынесенное в пользу автора, не оставляет сомнений относительно несправедливости судебного разбирательства в его отношении, а также относительно того, что преступления, за которые он был осужден, были ретроспективными. Кроме того, ввиду посещений автора в заливе Гуантанамо австралийскими должностными лицами и сотрудниками правоохранительных органов государство-участник имело все возможности знать условия судебного разбирательства в отношении автора (п. 4.8 Соображения).

Соглашения о передаче играют важную роль в гуманитарных и других законных целях, позволяя лицам, которые были осуждены за границей и соглашаются на передачу, вернуться в свою страну для отбывания наказания и получить преимущества, например от более тесных контактов со своей семьей. По мнению Комитета, исполнение в соответствии с соглашением о передаче приговоров, вынесенных в результате вопиющего отказа в правосудии, представляет собой несоразмерное ограничение права на свободу в нарушение п. 1 ст. 9 Пакта. Тот факт, что соответствующее лицо в качестве предпосылки для своего возвращения приняло условия соглашения, не имеет решающего значения, учитывая, что в данном случае может быть продемонстрировано, что условия содержания под стражей и жестокое обращение, которому оно было подвергнуто, оставляло ему весьма ограниченные возможности для выбора. В таких обстоятельствах государству-участнику следовало обеспечить, чтобы условия соглашения о передаче не приводили к нарушению Пакта с его стороны (п. 4.9 Соображения).

Комитет отмечает утверждения автора о том, что государство-участник не только не пыталось договориться об условиях соглашения о передаче таким образом, чтобы оно было совместимым с его обязательствами по Пакту, но также в значительной степени повлияло на формулировку соглашения о признании вины, которое было условием немедленного возвращения автора в Австралию. Комитет также отмечает утверждение государства-участника о том, что автор согласился признать себя виновным, потому что он считал условия содержания в тюрьмах в Австралии более благоприятными. Однако Комитет считает, что, для того чтобы избежать нарушений, которым подвергался автор, он не имел другого выбора, чем принять условия соглашения о признании вины, которое было ему предложено. Именно поэтому государство-участник обязано доказать, что оно сделало все возможное, для того чтобы условия соглашения о передаче, которое оно заключило с Соединенными Штатами, не приводили к нарушению Пакта, особенно учитывая, что автор является одним из его граждан. При отсутствии таких доказательств Комитет считает, что, согласившись исполнить оставшуюся часть приговора в соответствии с соглашением о признании вины и лишив автора свободы на семь месяцев, госу-

дарство-участник нарушило права автора согласно п. 1 ст. 9 Пакта (п. 4.10 Соображения).

Вывод Комитета: находящиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении п. 1 ст. 9 Пакта (п. 5 Соображения).

Сообщение: *В.М. против Российской Федерации.* Сообщение № 2043/2011. Соображение принято Комитетом 15 июля 2015 г.

Тема сообщения: ошибка при определении срока наказания в виде лишения свободы в соответствии с новым законодательством.

Вопрос существа: обратная сила уголовного закона.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. Комитет принимает к сведению довод автора о том, что его приговор должен был быть пропорционально сокращен в соответствии с поправками к Уголовному кодексу РФ, внесенными Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162. В соответствии с этими поправками был введен новый верхний предел наказания в отношении приговоров, которые могут быть вынесены в результате признания подсудимого виновным в совершении уголовных преступлений, с использованием правил полного или частичного сложения наказания. В соответствии с этой формулой суды назначили для автора максимальный срок наказания в размере 15 лет, однако автор утверждает, что верхний предел должен был быть уменьшен до 9 лет. Автор заявляет, что судам государства-участника следовало соблюдать принцип пропорциональности и следовало снизить верхний предел наказания, который согласно ранее действовавшему законодательству составлял 25 лет. Действительно, если бы суды государства-участника использовали принцип пропорциональности, верхний предел был бы уменьшен до 15 лет в соответствии с новым законодательством, в результате чего срок лишения автора свободы составил бы 9 лет (п. 8.2 Соображения).

Комитет отмечает довод государства-участника о том, что ни одно из положений нового Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162 не предписывает судам применение правила пропорциональности. Максимальный срок лишения свободы был установлен автору в размере 15 лет, а наказание по первоначальному приговору, вынесенному ему 10 июня 1999 г., соответствовало установленным на тот момент пределам назначения наказания. Комитет принимает к сведению также аргументы государства-участника о том, что 29 ноября 2012 г. Забайкальский краевой суд действительно снизил наказание, назначенное по приговору автору с 15 лет до 14 лет и 10 месяцев. Комитет отмечает, что, даже если для целей доказывания предположить, что п. 1 ст. 15 Пакта применим к периоду времени после вынесения окончательного обвинительного приговора, автор не доказал, что приговор, вынесенный согласно ранее действовавшему законодательству, не соответствует новому закону. В связи с этим Комитет ссылается на свои предыдущие решения по делам *Гаврилин против Беларуси*¹ и *Филипович против Литвы*², в которых он пришел к выводу об отсутствии нарушений п. 1 ст. 15 Пакта, и отмечает, что первоначальный приговор, вынесенный автору, соот-

ветствовал как ранее действовавшему законодательству, так и нормам законодательства после изменений, внесенных Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162. Кроме того, Комитет отмечает, что при назначении наказания внутренние суды рассмотрели и приняли во внимание конкретные обстоятельства дела и что после постановления Конституционного Суда РФ Забайкальский краевой суд снизил наказание автору до 14 лет 10 месяцев. Учитывая обстоятельства данного дела, Комитет не может, исходя из представленных ему материалов, сделать вывод о том, что вынесенный автору приговор в части назначения наказания противоречит п. 1 ст. 15 Пакта (п. 8.3 Соображения).

Вывод Комитета: представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении каких-либо положений Пакта (п. 9 Соображения).

Сообщение: *Таито Фаафете против Новой Зеландии.* Сообщение № 1909/2009. Соображение принято Комитетом 13 июля 2015 г.

Тема сообщения: судебная ошибка и несправедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: судебная ошибка, дискриминация, надлежащая процедура.

Правовые позиции Комитета. Пункт 5 ст. 14 Пакта предусматривает, что каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону (п. 7.4 Соображения).

Хотя на государство-участнике и лежит ответственность за предоставление эффективной юридической помощи в представлении ответчика, Комитету не надлежит определять, каким образом она должна быть обеспечена, если только не очевидно, что была допущена судебная ошибка³ (п. 7.2 Соображения).

Комитет напоминает, что разумный подход к задержке в судопроизводстве должен определяться обстоятельствами каждого дела с учетом сложности дела, поведения обвиняемого и того, каким образом дело разбиралось в административных и судебных органах⁴ (п. 7.3 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела. В отношении утверждения автора о том, что он не был адекватно представлен, Комитет отмечает аргументы автора, утверждавшего, что его адвокат, предоставленная ему в рамках юридической помощи, не уделила достаточно времени его делу, проигнорировала его указания вызвать двух свидетелей, а также не оспорила количественный и персональный состав жюри присяжных и методы его подбора. Несмотря на утверждение автора, информация, имеющаяся в распоряжении Комитета, не позволяет ему прийти к выводу о том, что поведение адвоката, которая защищала его в суде, противоречило интересам правосудия⁵ и было равнозначно нарушениям пп. 1 и 3 b) и e) ст. 14 (п. 7.2 Соображения).

³См. сообщение № 667/1995, *Хенсли Рикеттс против Ямайки*, Соображения, принятые 4 апреля 2002 г., п. 7.3.

⁴См. Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, п. 35; и сообщение № 1940/2010, *Элихио Седеньо против Венесуэлы*, Соображения, принятые 29 октября 2013 г., п. 7.7.

⁵См. сообщение № 536/1993, *Перера против Австралии*, решение о неприемлемости, принятое 28 марта 1995 г., п. 6.3; и сообщение № 618/1995, *Кэмпбелл против Ямайки*, Соображения, принятые 20 октября 1998 г., п. 7.3.

¹См. сообщение № 1342/2005, *Гаврилин против Беларуси*, Соображения, принятые 28 марта 2007 г., п. 8.3.

²См. сообщение № 875/1999, *Филипович против Литвы*, Соображения, принятые 4 августа 2003 г., п. 7.2.

Автор далее утверждает, что судебное разбирательство по его делу проходило с неоправданной задержкой, длившейся с 22 декабря 1995 г., даты решения Высокого суда, до 1 марта 2005 г., даты окончательного решения Верховного суда. В настоящем случае Комитет отмечает, что автор был приговорен Высоким судом 9 декабря 1995 г. после двух досудебных ходатайств и процесса с участием жюри присяжных. Комитет отмечает, что после вынесения Тайным советом 19 марта 2002 г. решения о повторном слушании дела автора заседание Апелляционного суда состоялось лишь в феврале 2005 г. Комитет отмечает, что задержки, на которые ссылается автор в отношении его апелляции, обусловлены в основном его собственными просьбами о продлении сроков (в общей сложности трижды), для того чтобы представить свои основания для апелляции и запросить юридическую помощь. Что касается задержек, связанных с процедурой в Тайном совете, то Комитет отмечает, что автор ждал свыше трех лет, прежде чем представить свое ходатайство о разрешении на апелляцию Тайному совету вместе с 11 другими заявителями. Учитывая эти конкретные обстоятельства, Комитет считает, что задержка в вынесении решения по апелляции автора не равнозначна нарушению пп. 3 с) и 5 ст. 14¹ (п. 7.3 Соображения).

Комитет также принимает к сведению аргумент автора о том, что отсутствие текста напутственного слова судьи, рассматривавшего дело в 1995 году, помешало ему получить доступ к документации, необходимой для надлежащей подготовки его апелляции в нарушение пп. 1 и 5 ст. 14 Пакта. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что наличие текста напутственного слова судьи, рассматривавшего дело, не является предварительным условием для подачи апелляции; что Апелляционный суд выносит суждения по вопросам фактов и национального права; и что Апелляционный суд сделал вывод об отсутствии реальной вероятности значительной процедурной ошибки или судебной ошибки. В результате автору следовало получить доступ к протоколам суда и документам, необходимым для эффективного осуществления его права на обжалование². Комитет отмечает, что автор имел доступ к стенограмме разбирательства, за исключением части, содержащей текст напутственного слова судьи. Он также отмечает, что вопрос об отсутствии текста напутственного слова был предметом, специально рассматривавшимся Апелляционным судом и Верховным судом, и что автор не представил какой-либо информации в разъяснение того, в каком отношении стенограмма напутственного слова была ему необходима для эффективного осуществления его права на обжалование или в каком отношении ее отсутствие затронуло его право на справедливое разбирательство. Соответственно, с учетом обстоятельств настоящего дела Комитет считает, что автор недостаточно обосновал свое утверждение, и поэтому Комитет не в состоянии установить факт нарушения пп. 1 и 5 ст. 14 Пакта (п. 7.4 Соображения).

Вывод Комитета: факты, имеющиеся в его распоряжении, не свидетельствуют о нарушении какого-либо из положений Пакта (п. 8 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по делу “Писари против Молдовы и России”, жалоба № 42139/12 (вынесено 21 апреля 2015 г., стало окончательным 19 октября 2015 г.).

Заявители жаловались, ссылаясь на ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на то, что их сын был убит представителями государства и что национальные органы власти не провели эффективного расследования по факту его гибели.

Европейский Суд признал, что “...действия российского солдата были произведены с целью осуществления законного задержания в рамках значения подп. (b) п. 2 ст. 2 Конвенции” (п. 53 постановления).

Между тем Суд установил, что “...[российский солдат] произвел три одиночных выстрела из автомата в направлении транспортного средства, управляемого [сыном заявителей]... [У]тверждение о том, что одна из пуль, выпущенных [российским солдатом], пробила форму другого солдата с контрольно-пропускного пункта, который находился недалеко от автомобиля, не было оспорено... [П]рименение автомата... [российским солдатом] привело к существенно-му риску не только для жизни [сына заявителей], но также для жизни его пассажира и даже для жизни солдата, в которого чуть не попала одна из пуль. Тот факт, что пуля попала только в [сына заявителей], по-видимому, является случайностью” (п. 54 постановления).

Европейский Суд отметил, что “...такая высокая степень риска для жизни может быть обоснована только в том случае, когда огнестрельное оружие было применено в качестве крайней меры предотвращения ясной и неминуемой опасности, которую представлял собой водитель автомобиля в случае его побега” (п. 55 постановления).

Суд подчеркнул, что он не убежден в том, что “...[российский солдат] подвергался риску быть сбитым автомобилем потерпевшего, и следовательно, не видит явного указания опасности, которую представлял собой водитель автомобиля в случае побега. Даже предполагая, что действия [сына заявителей] являлись потенциально опасными, Суд не считает, что степень угрозы требовала немедленно остановить его с применением огнестрельного оружия” (п. 56 постановления).

Европейский Суд посчитал, что “...отсутствие [оборудования для остановки транспортных средств без применения огнестрельного оружия] не может обосновать открытие огня по транспортным средствам, которые не соблюдают правила проезда через контрольно-пропускные пункты без наличия других достаточно веских и убедительных причин” (п. 58 постановления).

Суд пришел к выводу, что “...убийство [сына заявителей] [не] обосновывало применение силы, которое являлось не более чем абсолютно необходимым для осуществления законного задержания в рамках значения подпункта (b) пункта 2 статьи 2 Конвенции. Соответственно... имело место нарушение материального аспекта статьи 2 Конвенции со стороны Российской Федерации” (п. 58 постановления).

В отношении нарушения процессуального аспекта ст. 2 Конвенции Суд отметил, что “...российские органы власти не обеспечили участие заявителей в расследовании обстоятельств убийства их сына. Заявителям не было разрешено осуществить процессуальные права и не было сообщено о прекращении судебных разбирательств в отношении [российского солдата]” (п. 59 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...в настоящем деле заявители обладали веской и законной заинтересованностью в расследовании, проводимом

¹См. сообщение № 1512/2006, *Дин против Новой Зеландии*, Соображения, принятые 17 марта 2009 г., п. 7.2.

²См. сообщение № 662/1995, *Тумли против Ямайки*, Соображения, принятые 31 марта 1999 г., п. 7.5.

российскими органами власти, которое могло быть использовано для предоставления им статуса, которого они добивались в ходе уголовного судопроизводства против [российского солдата]. Российские [в]ласти не привели аргументов, объясняющих, почему заявителям было отказано в предоставлении статуса потерпевших в ходе уголовного судопроизводства и не было разрешено принять в нем участие” (п. 59 постановления).

Постановление Европейского Суда по делу “Фартушин против России”, жалоба № 38887/09 (вынесено 8 октября 2015 г., стало окончательным 8 января 2016 г.).

Заявитель жаловался, ссылаясь на ст. 3 Конвенции, на то, что он подвергался жестокому обращению в полиции и что по его жалобе не было проведено эффективного расследования.

Европейский Суд установил, что “...телесные повреждения заявителя были нанесены во время его содержания в правоохранительных органах” (п. 39 постановления).

Суд отметил, что “...следственные органы отклонили заявление о возбуждении уголовного дела, поданное заявителем, на основании отрицания со стороны сотрудников правоохранительных органов и следователя в совершении каких-либо нарушений, в отсутствие представления объяснений относительно травм и телесных повреждений заявителя. Они приняли такое решение по результатам доследственной проверки и не возбудили уголовное дело по факту предполагаемого жестокого обращения с заявителем... [С]удебный пересмотр постановлений об отказе следственных органов в возбуждении уголовного дела не мог быть проведен вследствие отмены этих решений следственными органами... Впоследствии внутригосударственные суды оставили в силе последнее постановление об отказе в возбуждении уголовного дела” (пп. 40, 41 постановления).

В отношении нарушения процессуального аспекта ст. 3 Конвенции Суд подчеркнул, что “... в рамках российской правовой системы в случаях небезосновательных утверждений в отношении обращения в соответствии со статьей 3 Конвенции органы власти должны возбудить уголовное дело и провести надлежащее расследование, по которому осуществляется целый спектр следственных мероприятий, и которое представляет собой эффективное средство правовой защиты для лиц, пострадавших в результате жестокого обращения в правоохранительных органах согласно внутригосударственному праву. Сам факт отказа следственных органов в возбуждении уголовного дела по обоснованному жалобам на жестокое обращение во время нахождения в правоохранительных органах служит доказательством неисполнения государством своего обяза-

тельства по проведению эффективного расследования, предусмотренного статьей 3” (п. 44 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что “...жестокое обращение было намеренным с целью принуждения заявителя к даче признательных показаний в совершении преступления и вызова существенного страха заявителя, причинения ему мучений и душевных страданий... такие действия представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение... отказ органов власти в возбуждении уголовного дела и проведении расследования в отношении предполагаемого жестокого обращения, которому подвергся заявитель при нахождении в правоохранительных органах, представлял собой непроведение эффективного расследования” (пп. 43, 45 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на ст. 5 Конвенции, на его незаконное содержание в отделе внутренних дел.

Европейский Суд установил, что “...заявитель содержался под стражей в правоохранительных органах непрерывно... более тридцати часов. За это время он был допрошен сотрудниками полиции о его предполагаемой причастности к хищению и был подвергнут бесчеловечному и унижающему достоинство обращению с целью его принуждения к даче признательных показаний по делу” (п. 52 постановления).

Суд отметил, что “...невзирая на то, что заявитель изначально был задержан в качестве подозреваемого по уголовному делу, его задержание не было зафиксировано до [следующего дня]... Отсутствие какого-либо подтверждения или протокола его задержания в качестве подозреваемого в рамках указанного периода обусловило лишение заявителя доступа к адвокату и всех других прав подозреваемого, что означало, что он оставался исключительно во власти задержавших его лиц. Таким образом, он находился в уязвимом состоянии не только в отношении произвольного вмешательства в его право на свободу, но и в отношении жестокого обращения” (п. 53 постановления).

Европейский Суд заключил, что “...факт отсутствия протокола задержания заявителя представлял собой полное отрицание принципиально важных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, и был несовместим с требованием законности и самой целью статьи 5” (п. 54 постановления).

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 июля 2016 г.)

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ПРЕДУСМОТЕННОЙ СТАТЬЕЙ 19.29 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В целях совершенствования системы мер противодействия коррупции, а также реализации положений Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (заключена в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН; далее — Конвенция ООН против коррупции) в Российской Федерации приняты Федеральные законы от 25 декабря

2008 г. № 273-ФЗ “О противодействии коррупции” и от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”.

Федеральным законом “О противодействии коррупции” установлены основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

В частности, указанным нормативным правовым актом введены ограничения, направленные на соблюдение специальных правил трудоустройства государственных или муниципальных служащих определенных категорий, а также лиц, ранее замещавших названные должности, за несоблюдение которых устанавливается административная ответственность.

Так, в соответствии со ст. 19.29 КоАП РФ административным правонарушением признается привлечение работодателем либо заказчиком работ (услуг) к трудовой деятельности на условиях трудового договора либо к выполнению работ или оказанию услуг на условиях гражданско-правового договора государственного или муниципального служащего, замещающего должность, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами, либо бывшего государственного или муниципального служащего, замещавшего такую должность, с нарушением требований, предусмотренных Федеральным законом “О противодействии коррупции”.

Объективная сторона состава данного административного правонарушения, в частности, выражается в нарушении требований ч. 4 ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции”, согласно которой работодатель при заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) в течение месяца стоимостью более ста тысяч рублей с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после его увольнения с государственной или муниципальной службы обязан в десятидневный срок сообщать о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации.

При этом нарушения указанной нормы могут в том числе состоять:

- в ненаправлении сообщения работодателем о заключении трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение в организации в течение месяца работ (оказание организации услуг) стоимостью более ста тысяч рублей с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы;

- в нарушении десятидневного срока со дня заключения трудового договора или гражданско-правового договора, установленного нормативными правовыми актами для направления сообщения о заключении трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение в организации в течение месяца работ (оказание организации услуг) стоимостью более ста тысяч рублей с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы.

Административная ответственность по ст. 19.29 КоАП РФ наступает также в случае невыполнения иных требований Федерального закона “О противодействии коррупции”.

Например, заключение трудового либо гражданско-правового договора с бывшим государственным или муниципальным служащим, замещавшим долж-

ность, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами, в обязанности которого входили отдельные функции государственного, муниципального (административного) управления организацией, т.е. полномочия принимать обязательные для исполнения решения по кадровым, организационно-техническим, финансовым, материально-техническим или иным вопросам в отношении данной организации, в том числе решения, связанные с выдачей разрешений (лицензий) на осуществление определенного вида деятельности и (или) отдельных действий данной организацией, либо готовить проекты таких решений (п. 4 ст. 1 Федерального закона “О противодействии коррупции”), без согласия комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных или муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов является нарушением требований ч. 1 ст. 12 указанного выше Закона и образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ.

Полномочиями по возбуждению данной категории дел об административных правонарушениях наделен прокурор (ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ), а по рассмотрению — судьи судов общей юрисдикции (чч. 1 и 3 ст. 23.1 КоАП РФ).

По данным судебной статистики, за период с 2013 по 2015 год судьями судов общей юрисдикции по первой инстанции было рассмотрено более 9000 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.29 КоАП РФ.

В целях обеспечения единообразного подхода к разрешению судьями судов общей юрисдикции дел о привлечении к административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ Верховным Судом РФ проведено обобщение вопросов, возникших за данный период в судебной практике при рассмотрении соответствующей категории дел.

Анализ показал, что при рассмотрении этой категории дел об административных правонарушениях положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и законодательства о противодействии коррупции в большинстве случаев применяются правильно.

Вместе с тем были выявлены случаи неоднозначного толкования судьями судов общей юрисдикции положений ст. 19.29 КоАП РФ и Федерального закона “О противодействии коррупции”, которые нуждаются в уточнении. Особое внимание необходимо обратить на следующие примеры.

1. Несоблюдение работодателем (заказчиком работ, услуг) обязанности, предусмотренной ч. 4 ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции”, в отношении бывшего государственного или муниципального служащего, замещавшего должность, включенную в перечень, утвержденные нормативными правовыми актами Российской Федерации, образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, независимо от того, входили ли в должностные обязанности государственного или муниципального служащего функции государственного, муниципального (административного) управления организацией, заключившей с ним трудовой договор и (или) гражданско-правовой договор (договоры), стоимость выполнения работ (оказания услуг) по которому (которым) в течение месяца превышает сто тысяч рублей.

Мировым судьей вынесено постановление о назначении директору ООО административного наказания по ст. 19.29 КоАП РФ. Признавая указанное должностное лицо виновным, мировой судья исходил из того, что принятая в ООО на должность специалиста отдела кадров Т. ранее занимала должность федеральной государственной гражданской службы — должность за-

местителя начальника общего отдела ГУ МЧС России по субъекту Российской Федерации. Однако по последнему месту службы Т. (в ГУ МЧС России по субъекту Российской Федерации) уведомление о заключении данного трудового договора работодателем направлено не было.

Установив изложенные обстоятельства, мировой судья пришел к обоснованному выводу о наличии в действиях должностного лица — директора общества — состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ.

Отменяя указанное постановление и прекращая производство по делу в связи с отсутствием состава административного правонарушения, судья районного суда исходил из того, что установленная ч. 4 ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции” обязанность уведомлять представителя нанимателя (работодателя) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы возникает при условиях, что оплата труда (стоимость услуг) бывшего государственного (муниципального) служащего по новому месту работы должна составлять более ста тысяч рублей в месяц и отдельные функции государственного, муниципального (административного) управления данной организацией входили в должностные (служебные) обязанности государственного или муниципального служащего.

(По материалам судебной практики Калининградского областного суда)

Данную позицию следует признать ошибочной по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции” гражданин, замещавший должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после увольнения с государственной или муниципальной службы обязан сообщать работодателю сведения о последнем месте своей службы при заключении трудового договора и (или) гражданско-правового договора (договоров), стоимость выполнения работ (оказание услуг) по которому (которым) в течение месяца превышает сто тысяч рублей (ч. 1 ст. 12 Закона).

В свою очередь, на работодателе согласно ч. 4 ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции” лежит обязанность при заключении с такими лицами трудового договора и (или) гражданско-правового договора (договоров), стоимость выполнения работ (оказания услуг) по которому (которым) в течение месяца превышает сто тысяч рублей, на протяжении двух лет после их увольнения с государственной или муниципальной службы сообщать в десятидневный срок о заключении договоров представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту их службы в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации.

При этом ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции” не ставит обязанность работодателя сообщить о заключении названных выше договоров в зависимости от того, замещал ли бывший государственный гражданский или муниципальный служащий должность, включающую функции государственного, муниципального (административного) управления данной организацией.

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2012 года, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 апреля 2013 г.)

2. Предусмотренная ч. 4 ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции” обязанность возникает

у работодателя при заключении с бывшим государственным или муниципальным служащим, замещавшим должность, включенную в перечни, утвержденные нормативными правовыми актами Российской Федерации, трудового договора вне зависимости от размера предусмотренной им заработной платы, а гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров), если стоимость выполняемых работ (оказываемых услуг) по такому договору (договорам) превышает сто тысяч рублей в месяц.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда, должностное лицо С. привлечено к административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ в связи со следующими обстоятельствами.

Прокуратурой района 1 декабря 2014 г. по результатам проверки возбуждено дело об административном правонарушении по ст. 19.29 КоАП РФ в отношении должностного лица С., которому вменено невыполнение требований ч. 4 ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции”, поскольку при заключении 17 августа 2013 г. гражданско-правового договора на оказание услуг с гражданином, который ранее находился на федеральной государственной гражданской службе в должности специалиста 1 разряда отдела Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по области (уволен со службы на основании приказа от 19 июля 2013 г.), входящей в перечень должностей федеральной государственной службы в федеральном государственном органе, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов (супруга) и несовершеннолетних детей, утвержденный руководителем федерального государственного органа в соответствии с разделом III Перечня, предусмотренного Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 557, не уведомил в письменной форме в установленный законом десятидневный срок представителя нанимателя (работодателя) по последнему месту службы гражданина о заключении гражданско-правового договора на оказание услуг.

Исходя из буквального толкования чч. 1 и 4 ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции” объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, имеет место только в случае несоблюдения заказчиком работ (услуг) обязанности, предусмотренной ч. 4 ст. 12 данного Закона, в отношении бывшего государственного служащего, замещавшего должность, включенную в указанные выше перечни, при заключении с ним гражданско-правового договора, стоимость выполнения работ (оказания услуг) по которому в течение месяца превышает сто тысяч рублей.

Обоснованно отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, заместитель председателя областного суда исходил из того, что стоимость услуг по гражданско-правовому договору от 17 августа 2013 г., заключенному между обществом в лице его генерального директора С. и гражданином, составила 7154 руб., т.е. не превышает ста тысяч рублей в месяц, что свидетельствует об отсутствии состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ.

(По материалам судебной практики Самарского областного суда)

3. Обязанность в десятидневный срок сообщать о заключении трудового договора (служебного контракта) с бывшим государственным (муниципальным) служащим, замещавшим должность, включенную в перечень, уста-

новленный нормативными правовыми актами Российской Федерации, представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы у представителя нанимателя (работодателя) не возникает в том случае, если бывший служащий осуществляет свою служебную (трудовую) деятельность в государственном (муниципальном) органе либо государственном (муниципальном) казенном учреждении. Такое несообщение не образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ.

Привлекая администрацию городского округа к административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ, мировой судья области установил, что в соответствии с распоряжением администрации городского округа по трудовому договору на неопределенный срок принят на должность заместителя главы администрации городского округа по вопросам безопасности, правопорядка и контроля М., ранее замещавший должность заместителя начальника МО МВД России "Ш.", включенную в Перечень должностей в Министерстве внутренних дел Российской Федерации, при назначении на которые граждане и при замещении которых сотрудники органов внутренних дел, военнослужащие внутренних войск и федеральные государственные гражданские служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, утвержденный приказом МВД России от 31 августа 2009 г. № 680, действовавшим на момент совершения вменяемого административного правонарушения, однако администрацией городского округа в десятидневный срок не направлено уведомление о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) по последнему месту службы М.

На основании изложенного мировой судья пришел к выводу о наличии в действиях администрации городского округа состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ.

Отменяя состоявшееся постановление мирового судьи и оставившие его без изменения судебные акты вышестоящих судебных инстанций, судья Верховного Суда РФ исходил из следующего.

Пунктом 1 ст. 12 Конвенции ООН против коррупции предусмотрена обязанность каждого государства-участника по принятию мер в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства по предупреждению коррупции в частном секторе.

Согласно подп. "е" п. 2 ст. 12 Конвенции в целях предупреждения возникновения коллизии публичных и частных интересов государства вправе устанавливать ограничения в надлежащих случаях и на разумный срок в отношении профессиональной деятельности бывших публичных должностных лиц или в отношении работы публичных должностных лиц в частном секторе после их выхода в отставку или на пенсию, когда такая деятельность или работа прямо связана с функциями, которые такие публичные должностные лица выполняли в период их нахождения в должности или за выполнением которых они осуществляли надзор.

Таким образом, из анализа п. 1, подп. "е" п. 2 ст. 12 Конвенции, чч. 2, 4 ст. 12 Федерального закона "О противодействии коррупции" в их системной взаимосвязи следует, что указанные выше ограничения, налагаемые на гражданина, замещавшего должность государственной или муниципальной службы, при заключении им трудового или гражданско-правового договора, установлены в целях устранения коллизии публичных и частных интересов. Данные ограничения,

как и обязанность работодателя при заключении трудового договора с гражданином, замещавшим ранее должность государственной или муниципальной службы, сообщать о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы, направлены на соблюдение специальных правил трудоустройства бывших государственных и муниципальных служащих в коммерческие и некоммерческие организации.

Следовательно, у государственного (муниципального) органа обязанность в десятидневный срок сообщать о заключении трудового договора (служебного контракта) с бывшим государственным (муниципальным) служащим, замещавшим должность, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации, не возникает.

(По материалам судебной практики Верховного Суда РФ)

В настоящее время аналогичный подход применяется Верховным Судом РФ в отношении трудоустройства бывшего государственного (муниципального) служащего в государственное (муниципальное) казенное учреждение либо заключения таким учреждением с бывшим служащим гражданско-правового договора об оказании услуг (выполнении работ) стоимостью более ста тысяч рублей в месяц.

При этом Верховный Суд РФ исходит из следующего.

Статьей 123²¹ ГК РФ установлено, что учреждением признается унитарная некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера.

Согласно п. 1 ст. 123²² ГК РФ государственное или муниципальное учреждение может быть казенным, бюджетным или автономным учреждением.

Пунктом 1 ст. 9¹ Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ "О некоммерческих организациях" предусмотрено, что государственными, муниципальными учреждениями признаются учреждения, созданные Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации и муниципальным образованием.

В соответствии со ст. 6 Бюджетного кодекса РФ казенное учреждение представляет собой государственное (муниципальное) учреждение, осуществляющее оказание государственных (муниципальных) услуг, выполнение работ и (или) исполнение государственных (муниципальных) функций в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти (государственных органов) или органов местного самоуправления, финансовое обеспечение деятельности которого осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что трудоустройство бывшего государственного (муниципального) служащего в такое учреждение, равно как и заключение с ним гражданско-правового договора, не связано с коррупционными рисками и не может повлечь коллизии публичных и частных интересов с прежней занимаемой должностью на государственной (муниципальной) службе.

4. Работодатель при заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) в течение месяца стоимостью более ста тысяч рублей с гражданином, замещавшим должность государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после его увольнения с государственной или муниципальной служ-

бы обязан в десятидневный срок сообщать о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего только по последнему месту его службы.

Постановлением мирового судьи должностное лицо Б. привлечен к административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ, поскольку не уведомил руководителя налоговой инспекции о заключении трудового договора с А.

Отменяя данное постановление и прекращая производство по делу в связи с отсутствием состава административного правонарушения, судья районного суда исходил из следующего.

Как усматривалось из материалов дела, А. с 22 марта 2001 г. состояла на государственной службе и занимала должность старшего государственного налогового инспектора отдела работы с налогоплательщиками ИФНС России, с которой 9 января 2013 г. была уволена. 10 января 2013 г. она была принята на иную должность государственной гражданской службы в другом регионе России — должность главного специалиста управления бюджетно-налоговой политики и мониторинга финансовой сферы министерства экономики одного из субъектов Российской Федерации, замещая ее до 12 августа 2013 г.

26 мая 2014 г. А. заключила трудовой договор с юридическим лицом “М.”.

В соответствии с ч. 4 ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции” на работодателя возложена обязанность сообщать о заключении трудового договора представителю нанимателя гражданского или муниципального служащего только по последнему месту его службы.

Соответственно, у Б. не возникла обязанность сообщить руководителю налоговой инспекции о заключении трудового договора с А., поскольку последним местом государственной гражданской службы А. являлось министерство экономики.

(По материалам судебной практики Свердловского областного суда)

При этом следует учитывать, что при переводе гражданина, ранее замещавшего должность государственной (муниципальной) службы, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации, на другую должность в пределах одной организации у работодателя не возникает обязанности сообщить о таком переводе представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы.

5. Субъектом административного правонарушения, состав которого предусмотрен ст. 19.29 КоАП РФ, выступает не любое должностное лицо, а лишь то, на которое в силу закона возложена обязанность по соблюдению требований ч. 4 ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции”.

Как установлено мировым судьей, между К. и обществом в лице директора А. был заключен трудовой договор, согласно которому последний был принят на работу на должность охранника, что подтверждено копией соответствующего приказа.

Ранее К. был уволен из органов полиции. Должность, которую занимал К., включена в Перечень, утвержденный приказом МВД России от 31 августа 2009 г. № 680, и соответствует разделу III Перечня, предусмотренного Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 557.

Таким образом, в силу приведенных положений закона работодатель К. обязан был при приеме его на работу в десятидневный срок в письменной форме сообщить об этом представителю бывшего нанимателя К. — руководителю ММО МВД России “К.”.

Поскольку согласно сведениям об уволенных сотрудниках такие данные в отношении бывшего сотрудника К. в ММО МВД России “К.” не поступали, мировой судья пришел к выводу о совершении указанного административного правонарушения бухгалтером и инспектором отдела кадров Е.

Вместе с тем в ст. 19.29 КоАП РФ указано, что ответственность за незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного служащего несет работодатель либо заказчик работ (услуг).

В силу ст. 20 ТК РФ работодатель — физическое лицо либо юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником.

Применительно к данному делу бывший государственный служащий К. вступил в трудовые отношения с обществом, заключив трудовой договор с ним в лице директора А.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. № 700 “О порядке сообщения работодателем при заключении трудового договора с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после его увольнения с государственной или муниципальной службы о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы”, действовавшим на момент рассмотрения дела, соответствующее письмо оформляется на бланке организации и подписывается ее руководителем либо уполномоченным лицом, подписавшим трудовой договор со стороны работодателя.

При таких обстоятельствах сотрудник отдела кадров Е. не является лицом, на которого законом возложена обязанность по сообщению о заключении трудового договора с бывшими государственными или муниципальными служащими, и поэтому не является субъектом административной ответственности по ст. 19.29 КоАП РФ.

(По материалам судебной практики Свердловского областного суда)

Дополнительно следует отметить, что в настоящее время постановление Правительства РФ от 8 сентября 2010 г. № 700 “О порядке сообщения работодателем при заключении трудового договора с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после его увольнения с государственной или муниципальной службы о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы” признано утратившим силу в связи с принятием постановления Правительства РФ от 21 января 2015 г. № 29 “Об утверждении Правил сообщения работодателем о заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации”. При этом п. 3 данных Правил предусмотрено, что сообщение оформляется на бланке организации и подписывается ее руководителем или уполномоченным лицом, подписавшим трудовой договор со стороны работодателя, либо уполномоченным лицом, подписавшим гражданско-правовой договор.

6. Отсутствие у работодателя сведений о замещении гражданином в течение предшествующих трудоустрой-

ву двух лет должности государственной (муниципальной) службы, включенной в установленный нормативными правовыми актами перечень, свидетельствует об отсутствии его вины и, соответственно, состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ.

По факту несоблюдения требований, предусмотренных ч. 4 ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», в отношении ООО «Э.» прокурором возбуждено производство по делу об административном правонарушении, состав которого предусмотрен ст. 19.29 КоАП РФ, в связи со следующими обстоятельствами.

Между ООО «Э.» и бывшим контролером-ревизором отдела территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в субъекте Российской Федерации А. был заключен трудовой договор, согласно которому А. принята на работу в ООО «Э.» на должность главного бухгалтера. При этом в установленный законом десятидневный срок со дня заключения трудового договора ООО «Э.» не сообщило о приеме на работу А. представителю нанимателя по последнему месту ее службы.

По результатам рассмотрения дела мировым судьей было установлено, что у ООО «Э.» отсутствовали сведения о том, что А. ранее замещала должность контролера-ревизора отдела территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, поскольку данные сведения А. при трудоустройстве сообщены не были, трудовая книжка ею не предъявлялась ввиду утраты, что свидетельствует об отсутствии вины ООО «Э.» в совершении административного правонарушения.

На основании изложенного производство по делу в отношении ООО «Э.» было прекращено ввиду отсутствия состава административного правонарушения.

(По материалам судебной практики Пензенского областного суда)

7. Невыполнение гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, предусмотренной ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О противодействии коррупции» обязанности может свидетельствовать об отсутствии вины работодателя бывшего государственного (муниципального) служащего в совершении административного правонарушения, состав которого предусмотрен ст. 19.29 КоАП РФ, при невозможности получения соответствующей информации из трудовой книжки гражданина.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда, Ч. как должностное лицо — генеральный директор общества — признан виновным в том, что при привлечении 26 июня 2012 г. к трудовой деятельности на должности менеджера отдела по работе с клиентами общества гражданина, ранее проходившего службу в органах внутренних дел, не выполнил возложенную на него ч. 4 ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» обязанность.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, председатель областного суда исходил из того, что мировым судьей не установлена должность государственной службы, замещаемая гражданином перед трудоустройством в общество, а также в постановлении отсутствует ссылка на нормативный правовой акт Российской Федерации, утвердивший соответствующий перечень должностей. При этом мировой судья ошибочно исходил из того, что работодатель при приеме на работу бывшего государственного служащего обязан сообщать о заключении трудового договора независи-

мо от замещаемой ранее государственным или муниципальным служащим должности.

Судья районного суда установил, что гражданин с 1 октября 2010 г. по 6 июля 2011 г. занимал должность, включенную в Перечень, утвержденный приказом МВД России от 31 августа 2009 г. № 680, действовавшим на момент заключения трудового договора. Однако отклонив доводы Ч. об отсутствии у него в июне 2012 г. информации о замещаемой ранее гражданином должности, пришел к выводу о том, что Ч., принимая на работу бывшего государственного служащего, обязан был самостоятельно установить его должность по последнему месту службы, а поскольку такая обязанность наряду с обязанностью, установленной ч. 4 ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», не была выполнена Ч., им совершено правонарушение, состав которого предусмотрен ст. 19.29 КоАП РФ.

В установленном ст. 65 ТК РФ перечне документов, предъявляемых работодателю лицом, поступающим на работу, указана трудовая книжка, которая является документом, содержащим сведения о работнике и выполняемой им работе.

В ч. 3 ст. 65 ТК РФ установлен запрет требовать от лица, поступающего на работу, документы помимо предусмотренных Трудовым кодексом, иными федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства РФ.

Положения Трудового кодекса РФ и Федерального закона «О противодействии коррупции» не возлагают на работодателя, заключающего трудовой договор с бывшим государственным или муниципальным служащим, обязанность самостоятельно устанавливать путем запроса от иных лиц сведения о должности государственного или муниципального служащего, занимаемой им ранее.

При трудоустройстве в общество гражданином была предъявлена трудовая книжка, в которой отсутствовали сведения о занимаемых им в период службы в органах внутренних дел должностях. В трудовой книжке содержалась лишь запись о прохождении службы в органах внутренних дел в период с 16 сентября 2009 г. по 27 августа 2011 г. Материалы дела не содержат доказательств того, что гражданин при заключении трудового договора сообщил работодателю полные сведения о последнем месте службы, а именно: предоставил сведения о занимаемых им должностях в период службы в органах внутренних дел.

При таких обстоятельствах председатель областного суда посчитал, что вину Ч. в совершении вмененного административного правонарушения нельзя считать установленной.

(По материалам судебной практики Ярославского областного суда)

8. Административное правонарушение, состав которого предусмотрен ст. 19.29 КоАП РФ, ввиду особой значимости охраняемых законом общественных отношений, выступающих объектом посягательства этого административного правонарушения, не может быть признано малозначительным.

М., являющийся единственным участником ООО «Б.» и состоящий в должности генерального директора этого общества, 17 сентября 2012 г. заключил трудовой договор и издал приказ о приеме на работу на должность юриста гражданина, до 15 августа 2012 г. замещавшего должность специалиста 1 категории юридического отдела администрации города, включенную в перечень должностей муниципальной службы. При этом общество в нарушение требований ч. 3 ст. 64¹ ТК РФ, ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» не сообщило в администрацию города о заключении этого договора.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда, М. осво-

божден от административной ответственности, предусмотренной ст. 19.29 КоАП РФ, ввиду малозначительности совершенного правонарушения.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, председатель Верховного Суда Республики исходил из следующего.

Согласно ст. 2.9 КоАП РФ при малозначительности совершенного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием.

Малозначительность правонарушения имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. Такие обстоятельства, как личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, свидетельствующими о малозначительности правонарушения. Данные обстоятельства в силу чч. 2, 3 ст. 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания.

В соответствии с абз. 3 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях” малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений.

Объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, заключается в противоправном бездействии, выразившемся в неуведомлении представителя нанимателя (работодателя) по прежнему месту службы принимаемого на работу бывшего государственного или муниципального служащего.

Поскольку наступление вредных последствий не является квалифицирующим признаком объективной стороны административного правонарушения, ответственность за которое установлена ст. 19.29 КоАП РФ, отсутствие указанных последствий не свидетельствует о малозначительности совершенного правонарушения. Существенная угроза охраняемым общественным отношениям заключается в данном случае не в наступлении каких-либо материальных последствий правонарушения, а в ненадлежащем отношении работодателя к исполнению своих обязанностей.

Санкция ст. 19.29 КоАП РФ устанавливает значительные суммы штрафа за несоблюдение требований федеральных законов, направленных на противодействие коррупции, против порядка управления, в связи с чем вывод мирового судьи о малозначительности совершенного М. правонарушения только по мотиву ненаступления общественно опасных последствий основан на неправильном применении норм материального права.

(По материалам судебной практики Верховного Суда Республики Калмыкия)

По другому делу председатель Верховного Суда Республики указал, что существенная угроза охраняемым общественным отношениям заключается в этом случае не в наступлении каких-либо материальных последствий, а в самом факте нарушения одного из принципов реализации Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460, о распространении ограничений, запретов и обязанностей в целях предупреждения коррупции на граждан, замещавших должность

государственной или муниципальной службы, а также на принимающих на работу бывших государственных и муниципальных служащих работодателей.

Конституционный Суд РФ в Определении от 25 февраля 2013 г. № 334-О также отметил, что установление обязанности сообщать в десятидневный срок представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы о заключении трудового или гражданско-правового договора направлено на повышение эффективности противодействия коррупции и основывается на принципах приоритетного применения мер по предупреждению коррупции и комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер для борьбы с этим явлением.

(По материалам судебной практики Верховного Суда Республики Саха (Якутия))

Сходная аргументация приведена в другом постановлении и состоит в том, что установление обязанности работодателя сообщать в десятидневный срок представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы о заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с гражданином, замещавшим определенные должности государственной службы, в течение двух лет после его увольнения с государственной службы направлено на повышение эффективности противодействия коррупции и основывается на принципах приоритетного применения мер по предупреждению коррупции и комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер для борьбы с этим явлением (пп. 5 и 6 ст. 3 Федерального закона “О противодействии коррупции”).

Тем самым нормы ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции” ориентированы на обеспечение безопасности государства, а потому пренебрежение ими не может рассматриваться как малозначительное административное правонарушение.

(По материалам судебной практики Суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры)

В то же время следует отметить, что в тех случаях, когда совершенное юридическим лицом административное правонарушение, состав которого предусмотрен ст. 19.29 КоАП РФ, выразилось в незначительном (на один-два дня) нарушении указанного в ч. 4 ст. 12 Федерального закона “О противодействии коррупции” срока либо в несоблюдении требований к содержанию направляемого по последнему месту службы государственного (муниципального) служащего уведомления, судья общей юрисдикции, в производстве которого находится дело о таком административном правонарушении, вправе на основании ч. 3² ст. 4.1 КоАП РФ назначить юридическому лицу административный штраф в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного санкцией ст. 19.29 КоАП РФ¹.

(Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 г.)

¹ Вместе с тем в силу прямого указания закона (ч. 2² ст. 4.1 КоАП РФ) в отношении граждан и должностных лиц, совершивших административное правонарушение, состав которого предусмотрен ст. 19.29 КоАП РФ, возможность назначения административного штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, определенного санкцией указанной нормы, отсутствует.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Борисова Е.Е., Горшков В.В., Давыдов В.А., Журавлева Е.М.,**
Момотов В.В., Нечаев В.И., Петрова Т.А., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В., Свириденко О.М.,
Хаменков В.Б., Харламов А.С., Хомчик В.В., Шиловост О.Ю.

**Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации**

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

Подписано в печать 27.03.2017.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 7,32. Тираж 8554 экз. Заказ 1308-2017.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”.
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 38.
Телефоны: 495-941-28-62, 495-941-34-72, 495-941-31-62.
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
<http://www.redstarph.ru>
